Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ.

„Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!“

№ 4.

Дубликатъ.

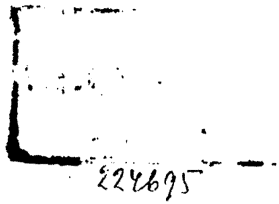
В. ВИННИЧЕНКО.

БОРЬБА.

Авторскій переводъ съ украинскаго.

Цѣна 20 коп.

1910.


224695

БОРЬБА.

(Изъ писемъ студента, сосланнаго въ солдаты).

Переводъ съ украинскаго.

„Не бойтесь тѣло убивающихъ, души же не могущихъ убить".

У насъ теперь идетъ интересная борьба въ казармѣ, борьба захватывающая, волнующая. На одной сторонѣ: дисциплина, карцеръ, розги, голодъ и во главѣ этого — командиръ роты. На другой: — большой, неуклюжій солдатъ Никита Кравчукъ, пахнущій кіевскими лѣсами и вооруженный какой-то силой этихъ лѣсовъ, отрицающій и дисциплину, и карцеръ, и командира роты.

Каждый день мы ждемъ конца этой борьбы, и боимся его, и желаемъ несказанно.

Напряженіе въ казармѣ необыкновенное. Чувствуется, что борьба должна чѣмъ нибудь окончиться, но когда и чѣмъ, трудно сказать. Солдаты со всѣхъ сторонъ обсуждаютъ этотъ вопросъ, и часто приходится слышать ихъ разговоры по этому поводу.

Вотъ въ углу взвода стоитъ кучка „молодыхъ", между ними нѣсколько „старыхъ".

— Убьетъ... Навѣрно, убьетъ... — задумчиво бросаетъ высокій, долговязый Макуха, мой сосѣдъ по койкѣ. — Вотъ увидите!

— „Убьетъ", голова! — съ пренебреженіемъ, пылко шепчетъ, поворачиваясь къ нему, маленькій, толстенькій Шаба-

туровъ. — Какъ же онъ можетъ убить, ежели ему вѣра не дозволяетъ убивать?.. Да не то, что убивать, а, братцы мои, пальцемъ коснуться нельзя. „Убьетъ“!.. А законъ? Онъ, братъ, отъ закону тебѣ вотъ такъ (онъ показываетъ кончикъ чернаго, закопченнаго цыгаркой пальца) — не отступитъ... Штунда... Малеванецъ, одно слово... Онъ и мухи не убьетъ, а то. Статую... Сказалъ!

— Ну, а какъ же?

— „А какъ же“... А холера его знаетъ, какъ!.. Когда жъ нельзя имъ кровь проливать... Такой законъ! Помнишь, какъ онъ нечаянно какъ то толкнулъ Крысина, а тотъ въ кровь носъ разбилъ? Видѣлъ, какъ перепужался?

— „Бра... бра... братикъ“...—очень похоже на „штунду“ густымъ голосомъ перебиваетъ Дудка Шабатурова:—„Я... не... хотѣлъ“...

Передача голоса „штунды“ настолько ему удается, что всѣ невольно хохочутъ и съ довольнымъ видомъ ругаютъ его. (Это тотъ самый Дудка, который въ стихахъ высмѣялъ казенный обѣдъ и котораго не только нашъ взводъ, но и вся рота слушаетъ всегда съ хохотомъ. Онъ же далъ капитану остроумную кличку Сгатуи послѣ одного полкового праздника, когда всю роту водили въ музей.)

— Ну, а что жъ онъ сдѣлаетъ? — снова роняетъ Макуха задумчиво, не глядя на Шабатурова.

— Вотъ что сдѣлаетъ!—вдругъ проводитъ Дудка всей ладонью по его длинному лицу и быстро прячется за Шабатурова.

— А ну къ чорту!.. Бо, какъ дамъ!..

— А ну? — смѣясь и поддразнивая его, выставляетъ свое рябоватое остренькое лицо Дудка.

Въ другое время Макуха не снесъ бы этого и завелъ бы съ Дудкой такую возню, что вся рота качалась бы отъ смѣха. Но теперь только хмуро и сердито смотритъ въ сторону и напряженно о чемъ то думаетъ.

И съ какимъ упорствомъ, снаружи незамѣтнымъ, но глубокимъ, ведется эта борьба! Съ перваго же мгновенія, какъ ввели *его* въ казарму, еще пахнувшаго зеленью своихъ лѣсовъ, еще исполненнаго тяжелаго благодушія, она уже зародилась. Помню странное впечатлѣніе, которое производила его гигантская фигура съ копной желтыхъ волосъ на широкой головѣ, увѣ-

ренно-спокойная, медлительно-благодушная, среди запуганной, безпокойно-нервной толпы новобранцевъ, робко жавшейся къ стѣнамъ.

Помню, какъ ротный внимательно оглядѣлъ его и вдругъ остановился.

— Какъ зовутъ?—отрывисто, холодно бросилъ онъ.

— Никита Кравчукъ!

— Кравчукъ Никита — поправилъ капитанъ.

— Все одно! — спокойно согласился Кравчукъ.

— Не „все одно“, а нужно говорить, какъ полагается. Откуда?

— Изъ кіевской губерніи.

— Хохолъ?

— Малороссіянинъ.

— Все равно!

— Не „все равно“, бо то брань—„хахолъ“,—благодушно улыбнулся Кравчукъ.

Капитанъ снова внимательно оглянулъ его и строго промолвилъ:

— Молчать! Твое дѣло отвѣчать, что спрашиваютъ. Православный?

— Малеванецъ.

— Кто?

Малеванецъ.

— Не понимаю. Католикъ? Магометанинъ?

— Не католикъ и не магометанинъ, а малеванецъ.

— Что онъ говоритъ?—съ недоумѣніемъ обернулся капитанъ къ фельдфебелю.

— Малеванецъ, ваше высокоблагородіе, то все одно, значитъ, что штунда. Такіе штундари себѣ, ваше высокоблагородіе...—чуть улыбнулся фельдфебель и слегка выпрямился.

— Во-отъ ка-акъ? – удивленно протянулъ ротный. — Такъ ты еще смѣешь заявлять мнѣ это въ глаза? Да ты знаешь, что я тебя подъ судъ отдамъ за твою штунду?

— Я—не штунда, я—малеванецъ, — спокойно отвѣтилъ Кравчукъ.

— Все равно!

— Не все равно, бо штунда...

— Да что ты, слушай,—перебилъ его пораженный капи-

танъ:—дуракъ или сумасшедшій? Да какъ ты смѣешь говорить такъ со мной?!

— А какъ же я говорю?—удивился и Кравчукъ.

— Эге-ге! Да съ тобой, какъ вижу, придется „разговаривать“. Ты, видно, изъ тѣхъ, что хоть дурные да хитрые... Обратить на него вниманіе!—предостерегающе обернулся онъ къ фельдфебелю и, еще разъ оглянувши Кравчука внимательнымъ, стальнымъ взглядомъ, пошелъ дальше.

Съ тѣхъ поръ и ведется „разговоръ“, но выходитъ то онъ не такимъ ужъ легкимъ, какъ, очевидно, представлялъ себѣ капитанъ.

Но знаете ль вы, что такое „разговоръ“? Это—усиленная муштра, а муштра—это дурманъ. Вымуштрованный солдатъ —это до того задурманенный человѣкъ, что у него уже нѣтъ ни воли своей, ни мысли, ни чувства, который по приказанію задурманившихъ его готовъ родной матери животъ распороть.

И вотъ эту гигантскую фигуру начинаютъ ежедневно облачать въ узкій мундиръ, засупонивать поясомъ, высчитывать ея движенія, слова. Что за чертовщина! онъ этого совсѣмъ не зналъ въ лѣсахъ, въ которыхъ совсѣмъ не нужно ходить такъ, словно тебѣ вбили въ спину осиновый колъ. И къ чему затягивать такъ поясъ, чтобы дохнуть нельзя было?

Ему объясняли, учили, тыкали кулаками въ животъ, въ „морду“, но онъ никакъ не понималъ и на слѣдующій день снова стоялъ съ свободнымъ поясомъ, заложивъ даже руку за него.

Его отправляли въ карцеръ, но, возвращаясь оттуда, онъ казался еще могучѣе, а поясъ былъ еще свободнѣе.

Не везло муштрующимъ и съ движеніями Кравчука. Когда онъ идетъ, то все кажется, будто тащитъ на спинѣ громадную тяжесть. И, главное, во время самаго строгаго ученья, когда все должно „замереть“, онъ вдругъ возьметъ кашлянетъ, преспокойно высморкается и снова, какъ ни въ чемъ не бывало, „замретъ“. Ну, конечно, за это ему и „намордасники“, и „по храпу“, и въ карцеръ. А на другой день опять или вздохнетъ съ такимъ шумомъ, словно скинулъ съ плечъ свою ношу, или ногу согнетъ.

Не нравилась Кравчуку и обстановка казармы,—безцвѣтная, однообразная. Для дурмана какъ разъ подходящая, а ему не нравится. Чуть свободная минутка, глядь, Кравчукъ ужъ у окна и глядитъ въ него. Большія губы слегка раскрыты,

глаза тоскливые. А за окномъ далеко лѣсокъ надъ рѣкой, тучки плывутъ.

— Кравчукъ! Побила бъ тебя лихая година, ты чго жъ это койку не прибралъ?!

Кравчукъ вздыхаетъ и враждебно смотритъ на койку. Подлое полотенце! опять забылъ его на эту дурацкую подушку положить.

Словомъ, не мирится съ нимъ казарма ни въ чемъ. Что по муштрѣ положено, Кравчукъ, какъ на зло, возьметъ и нарушитъ. И не знаешь притомъ, нарочно или нечаянно. Скажутъ поправить, поправитъ, а потомъ опять.

— Что жъ это такое, вездѣ бьютъ да бьютъ...—говорилъ онъ фельдфебелю, не оправдываясь, а наставительно.—Развѣ такъ можно? Кровь проливать нельзя.

Солдатики слушаютъ и усмѣхаются. А фельдфебель только руками разводитъ.

Ужъ, кажется, все такъ отлично и умѣло приспособлено къ муштрѣ, такъ обдумано каждое движеніе, каждое слово, такъ обставлено всякими рогатками, что и мѣсяца не должно пройти, чтобы сломить самую сильную душу, а съ Кравчукомъ возятся, „разговариваютъ“ четыре мѣсяца уже и не могутъ еще добиться, чтобы онъ правильно фуражку надѣлъ. Капитанъ зубами скрежещетъ и дѣлается весь свинцово-блѣдный, когда говоритъ съ Кравчукомъ. Кравчукъ же остается все тѣмъ же, только благодушіе его исчезаетъ день за днемъ, замѣняясь какой то суровой задумчивостью и молчаливостью. Его почему то любитъ задѣвать и дразнить Дудка, но онъ всегда отворачивается и отходитъ къ окну или берется за евангеліе, которое ротный, очевидно, не смѣетъ отнять у него.

Мнѣ же кажется, что ротный начинаетъ увлекаться этой борьбой. Хищно иногда горятъ его глаза и блѣднѣютъ губы, когда онъ предъ всей ротой „разговариваетъ“ съ Кравчукомъ. И уже нѣтъ ни одного движенія, ни одного слова гиганта, которое бы не было использовано въ цѣляхъ покоренія. Но... увы! каждый день неожиданно у Кравчука появляется новый „фокусъ“ и снова капитанъ злится, бьетъ „по храпу“ и „разговариваетъ“.

Въ особенности закипѣлъ этотъ бой послѣ инспекторскаго смотра, когда протестъ Кравчука сталъ грозить нарушеніемъ повиновенія всей роты.

Вышло это такъ.

Вы, конечно, мало знаете, что такое этотъ инспекторскій смотръ. Это довольно глупая и наглая комедія, очень успѣшно впрочемъ помогающая одурманиванью. Обыкновенно смотръ подгоняютъ къ послѣпраздничному времени, когда вліяніе всѣхъ казарменныхъ порядковъ должно пошатнуться отъ соприкосновенія съ „вольными“ людьми. Тогда пріѣзжаетъ какой нибудь генералъ или что нибудь вродѣ этого и подновляетъ нарушенное. Дѣлается это, конечно, подъ видомъ заботы о благосостояніи „братцевъ“. Даже спрашиваютъ, нѣтъ ли жалобъ у кого нибудь. Понятно, всѣ оказываются всѣмъ необыкновенно довольны, счастливы и отвѣчаютъ на вопросы такъ радостно и весело, точно у каждаго въ груди не запуганное, омертвѣлое солдатское сердце, а цѣлая развеселая полковая музыка.

Случается, правда, что, несмотря на предварительную муштру, какъ отвѣчать, какъ смѣяться, какъ быть всѣмъ довольнымъ, на смотру кто нибудь, соблазненный „отеческимъ“ тономъ инспектора, вдругъ прорывается неожиданной жалобой. Его тогда прежде всего наказываютъ за то, что онъ не предупредилъ своего „отдѣленнаго“ начальника о томъ, что онъ намѣренъ на него же жаловаться; затѣмъ для вида разбираютъ эту жалобу, и въ концѣ концовъ находятъ ее безосновательной, за что жалобщику еще влетаетъ. Вотъ и все.

И довольно забавная получается исторія. Оторвали тебя отъ всего дорогого, связали руки, ноги, заткнули ротъ, замазали грязью сердце, высушили мозгъ и невинно спрашиваютъ: „ну? всѣмъ доволенъ, братецъ?“ Нѣтъ, великая эта сила — муштровка! Попробуй сдѣлать это свѣжему человѣку, такъ онъ бы и путы порвалъ, и руки порѣзалъ, но довольство свое высказалъ бы, какъ слѣдуетъ.

Мы уже цѣлую недѣлю не имѣли покоя. Каждый день мы что то чистили, скребли, мыли, гоняли по цейхаузамъ, канцеляріямъ, шили, стругали, глотали на скорую руку свои „порціи“ и мертвые падали отъ усталости. За цѣлую недѣлю я не имѣлъ времени письма прочитать! Если бы и было вліяніе „вольныхъ“, то за эту недѣлю оно навѣрно испарилось.

Но вотъ насталъ и этотъ торжественный день. Еще съ вечера мы разложили свои разобранныя до послѣдняго вин-

тика винтовки и повыкладывали свои вещи (щетки, молотки, ваксу, бѣлье, сапоги). Въ шесть часовъ, уже одѣтые, мы ходили съ напряженными нервами и страхомъ въ сердцѣ. А вдругъ (чѣмъ чортъ не шутитъ!) сядетъ пушинка на плечи? Пропалъ.

Статуя ще въ пять часовъ прибѣжалъ и сейчасъ же устроилъ репетицію, какъ отвѣчать, какъ смѣяться, какъ дѣлать „молодцеватый и бравый“ видъ. Жалобъ не предвидѣлось.

Въ девять мы уже стояли въ мундирахъ „перваго срока“, невыносимо вонявшихъ нафталиномъ, въ новыхъ картузахъ, похожихъ на сковороды, и „въ полной аммуниціи“, то есть: на плечахъ скрученная шинель, ранецъ, полный всякой дряни, съ боку мѣшокъ съ тѣмъ же, лопатка, топоръ, подсумокъ и въ рукѣ винтовка.

Долго такъ стояли, одеревенѣлые, тупые, съ напряженно-ожидательными рожами. Но вотъ грянулъ оркестръ и появился инспекторъ.

Худъ онъ былъ до крайности: казалось, онъ притворяется, что подъ мундиромъ у него тѣло, а не одни палки. Похожъ былъ на чучело, которое одѣваютъ въ зипунъ и ставятъ на огородѣ. Лицо желто-грязное, скомканное; жилистая, изможденная рука съ сизо-красными ногтями опиралась на палку. На носу, болѣзненно желтомъ, пенснэ, которое часто падало.

За нимъ длиннымъ рядомъ, подтянутые и настороженно-безпокойные шли офицеры. Онъ говорилъ съ ними хриплымъ, жиденькимъ теноркомъ. Рота стояла вытянувшись, плотная, точно вылитая изъ одного куска свинца.

— Здорово, братцы! — искусственно-бодро и жалко выкрикнулъ инспекторъ и молодцевато выпрямилъ грудь. Рота только и ждала этого.

— Здрав... жлай... вашш... всок... прев... ство!! — дружно и сочно, какъ одинъ, выкрикнула сотня напряженныхъ голосовъ.

Инспекторъ довольно пожевалъ губами, обернулся къ ротному, который съ слегка блѣднымъ лицемъ шелъ позади его, и остановился. Остановился и длинный рядъ офицеровъ. Поговорили о чемъ то и снова двинулись. Мы же стояли мертвые, неподвижные, окаменѣлые.

Начался осмотръ. Осматривали ранцы, сапоги, портянки, ходили туда-сюда. Генералу, очевидно, столько же было

дѣла до всего этого, какъ мнѣ до его пенснэ, съ которымъ онъ больше возился, чѣмъ съ нами, но дѣлалъ видъ, что все понимаетъ и всѣмъ доволенъ. Впрочемъ, я думаю, эта жалкенькая развалина продѣлывала все это искренно: сказано сдѣлать смотръ, ну и смотритъ, она даже не съумѣла бы играть комедію.

Но бѣдные „братцы“ до того принимали все это въ серьезъ, что у моего сосѣда началось нервное подергиванье подбородка. На него свирѣпо поглядывалъ фельдфебель, но этимъ дѣлу помогалъ мало.

Потомъ старикашка попросилъ всѣхъ офицеровъ выйти изъ роты въ канцелярію, а самъ остался съ нами. Это, видите-ли, для того, чтобы имѣющій жалобу могъ подать ее безбоязненно и не стѣсняясь присутствіемъ того, на кого хотѣлъ жаловаться!

Мы всетаки не шевелились.

— Ну, э... э.., братцы,.. я... э... Да подойдите ближе! — скомандовалъ онъ, прилаживая пенснэ и смѣшно подергивая сухой кожей носа.

Мы и къ этому „номеру“ были приготовлены. Разъ, два! Повернулись и правильнымъ, ровнымъ кругомъ обступили его.

Старичекъ остался доволенъ.

— Такъ... Итакъ, братцы, мы собрались тутъ. Хм... Эм... И вы, и я.. Дэ... Теперь вы — дѣти, а я... эп.. эп... отецъ вашъ. Не начальникъ, а отецъ...

Старичекъ заморгалъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ бываютъ брови, прикрѣпилъ пенснэ и, пожевавъ изсиня-блѣдными губами, продолжалъ:

— Дэ... Такъ что вы меня, братцы, не бойтесь... Если васъ кто изъ начальниковъ вашихъ... эм... эм... обидѣлъ, вы говорите... По правдѣ... э... э... не стѣсняясь... Дэ... За Богомъ служба.., или какъ это? за царемъ... да, да.. Поняли?

— Такъ точ... вашш... всок... прев... ство!! — громомъ раскатилось, дружно и радостно.

— Очень... э... очень это мнѣ... эп... эп... пріятно. Дэ... Кто же изъ васъ... имѣетъ жалобу?

— Никакъ нѣтъ, ваш... всок... прев... ство!!

Старичекъ пожевалъ губами и подумалъ, что бы такое еще сказать.

— А васъ... э... васъ никто эм... не обижалъ?

— Никакъ нѣтъ, ваши... всок... прев... ство! — еще веселѣе, еще радостнѣе вырвалось у насъ.

— Тэкъ... Дэ.

Старичку уже, видно, становилось скучно. Онъ глуповато-добродушно посматривалъ на насъ и не зналъ, что же ему дальше говорить.

Но въ это время вдругъ среди гробовой тишины густо и неожиданно раздалось:

— Меня обиждали!

Словно по кругу солдатскихъ тѣлъ пустили электрическій токъ, такъ всѣ вздрогнули и оглянулись на этотъ суровый, грубый голосъ.

— Что? — не разслышалъ и не понялъ генералъ.

— Меня обиждали! — громче и еще суровѣе послышалось съ заднихъ рядовъ.

— Обижали? Кого? — все-таки еще не понималъ старичекъ, которому, очевидно, и въ голову не могло прійти, что кто нибудь можетъ въ серьезъ принять его слова.

— Меня! Я хочу жалобу подать... выступилъ немного впередъ Кравчукъ, сурово глядя передъ собой своими небольшими твердыми глазами.

Старичекъ даже испугался немного.

— Стой... стой! Куда же ты? Стой... э... стой на мѣстѣ... Жалобу?.. эм... эм... на кого?

— На фитьфебыля и на ротнаго командира — сильно бьютъ.. А бить низзя, не...

— Бьютъ?.. Эп... эп... ротный командиръ?

— И фитьфебыль.

Старикашка растерянно оглянулся и, очевидно, не зналъ, какъ ему быть. Ему совсѣмъ не докладывали, что „имѣются быть“ жалобы. Наконецъ, онъ еще разъ поглядѣлъ на Кравчука, который стоялъ, не сомкнувъ плотно ногъ, и нашелъ выходъ.

— А ты, эм... брагецъ, солдатъ? Или... Ты не по формѣ стоишь... Дэ... Жалобу подавать такъ... эм... нельзя!.. Я такой жалобы... э... э... не прійму... Иди на мѣсто!

— Меня били.., говорю правду, какъ отцу! — не поправляя ногъ и не обращая вниманія на его слова, снова угрюмо проговорилъ Кравчукъ.

Старичекъ окончательно сбился съ толку, моргалъ голы-

ми бровями, боязливо косился на насъ и все возился съ пенсэ. Наконецъ, нашелся и выпалилъ:

— Хорошо... Я запишу... Иди!

И, дѣйствительно, вынулъ изъ кармана записную книжку и дрожащими пальцами сталъ что то записывать.

Мы же, неподвижные и оцѣпенѣлые, стояли и дѣлали видъ, будто все это насъ нисколько не касается.

— А больше... э... никто не имѣетъ жалобъ?

— Никакъ нѣтъ, ваши... всок... прев... ство!

Старичекъ поспѣшилъ окончить отеческій опросъ. Сейчасъ же были позваны офицеры и ротный (которые, конечно, отлично слышали и даже видѣли все изъ канцеляріи). Генералъ о чемъ то пошептался съ ротнымъ, тотъ пожималъ плечами и вытягивался, а старикашка растерянно и обиженно что то разсказывалъ.

Отсюда получилось слѣдующее распоряженіе:

Никиту Кравчука, то есть Кравчука Никиту за неформенное поданіе жалобы—на гауптвахту усиленнымъ арестомъ на пять сутокъ. Затѣмъ, за непредупрежденіе ротнаго и фельдфебеля о жалобѣ перевести въ разрядъ штрафованныхъ, благодаря чему онъ могъ получать розги. Сама же жалоба... Впрочемъ, я о ней больше ничего не слыхалъ.

Нѣтъ, виноватъ! о ней приходится слышать не разъ. Всегда, когда ротный „разговариваетъ“ съ Кравчукомъ, онъ вспоминаетъ о ней. Но Кравчукъ молчитъ.

Теперь остается мѣсяца полтора до присяги, то есть до того времени, когда „молодые“ будутъ уже такъ задурманены, что ихъ можно будетъ посылать убивать людей, охранять своихъ истязателей и орудія убійства. За эти полтора мѣсяца нужно отшлифовать солдатскія души такъ, чтобъ онѣ блестѣли не хуже казенныхъ котелковъ. Для этого всѣ неровности, всѣ изгибы должны быть стерты, уничтожены. И капитанъ съ компаніей праздныхъ балбесовъ, поручиковъ и подпоручиковъ, очень старательно и серьезно занимаются этимъ. Но... Кравчукъ!.. Это — отрава всей роты, какъ не разъ говорилъ самъ Статуя. Просто бѣда съ нимъ! Вотъ, кажется, все уже, какъ слѣдуетъ... трахъ! Кравчукъ буркнулъ что нибудь, и солдаты неспокойны, шепчутся, тоскливо чего-то ищутъ забитой, запуганной мыслью, о чемъ то мечтаютъ, сумрачны, недовѣрчивы.

О, Кравчукъ за это хорошо расплачивается! Но... ни „мордоплясы“, ни „по храпу“—ничто не помогаетъ. Борьба ведется съ тѣмъ же упорствомъ. Чѣмъ окончится она, повторяю, трудно сказать. Во всякомъ случаѣ, симпатіи далеко не всѣ на сторонѣ капитана. Хорошо это! Радъ страшно.

Пока же оканчиваю. Думаю, что скоро пришлю вамъ опять посланіе, ибо безъ „исторій“ не обойдется....

* * *

Это письмо пишу прямо изъ карцера. Послѣднее время я больше сижу здѣсь, нежели въ казармѣ. Приказавъ всей ротѣ не разговаривать со мной подъ страхомъ наказанія, ротный всетаки не довѣряетъ этому средству и боится, что одинъ мой видъ будетъ мѣшать его дѣйствіямъ. Поэтому онъ за всякую мелочь засаживаетъ въ карцеръ. Мнѣ же только этого и нужно и я охотно иду навстрѣчу желаніямъ капитана. Вѣдь только тутъ я и могу писать вамъ. (Это, конечно, происходитъ безъ вѣдома Статуи и покупается у „фитьфебыля“ по полтиннику за каждое сидѣніе). Теперь отсиживаю вотъ за что. Разскажу вамъ весь тотъ пріятный денекъ.

Утро. Только не воображайте, что это обыкновенное, человѣческое утро, это даже не куриное, а солдатское утро. До разсвѣта еще хорошенькихъ часа три. Впрочемъ лампочка на ротномъ столѣ уже истомилась и при послѣднемъ издыханіи. Отъ этого въ казармѣ воздухъ становится значительно гуще, но дышать еще можно. Мерцаетъ и безсильно вздрагиваетъ желтенькій огонекъ на столѣ и тогда кажется, будто длинные ряды коекъ сразу подпрыгиваютъ и замираютъ. Кто то ворчитъ во снѣ и усиленно чешется. На столѣ, безнадежно свѣсивъ голову на грудь, дремлетъ дневальный. Казенное одѣяло кусаетъ тѣло, но тѣмъ не менѣе любовно заворачиваешься въ него, поджимаешь ноги, пріятно качаешься на волнахъ сна... И вдругъ: трамъ-тамъ-тамъ-тамъ!

Что то тоскливое, липкое поползетъ по душѣ.

„Барабанъ, нужно вставать“.

— Вставай, вставай! Первый взводъ, заметать, убирать!— слышится за койками пьяный, хриплый голосъ фельдфебеля.

Съ лютой рѣшительностью сбрасываешь одѣяло и встаешь.

Въ это утро фельдфебель былъ здорово на похмѣльи, а потому кричалъ сипло и смѣшно. Солдаты посмѣивались, а онъ злился.

— Вставай, вставай!

Встаемъ, одѣваемся. Окна черныя еще совсѣмъ, во взводѣ полутьма, копошатся солдатскія тѣла въ ситцевыхъ сорочкахъ.

Появляется коротенькая, толстенькая фигура фельдфебеля. Онъ стоитъ въ проходѣ коекъ и пристально вглядывается въ темный уголъ.

— А это кто тамъ сидитъ паномъ дѣло? — кричитъ онъ, показывая головой на неподвижную, сѣрѣющую фигуру на дальней койкѣ.

— Кравчукъ, Сидоръ Максимовичъ... Богу молится... — хихикая, отвѣчаетъ кто то.

— А умываться? Онъ таки опять за свое?

Кое кто хихикаетъ, а Сидоръ Максимовичъ пробирается мимо насъ и направляется къ Кравчуку. Кто то беретъ со стола лампочку и освѣщаетъ уголъ. Кравчукъ сидитъ, не шевелясь, въ строгой проникновенности, и молчитъ.

— Ты!.. Харя! — толкаетъ его кулакомъ въ плечо фельдфебель — Умываться! Трясця бъ тибе умыло!

Кравчукъ не поворачиваетъ головы и видно лишь, какъ губы его шепчутъ что то.

— Я кому говорю? Кравчукъ!

Могучій суровый профиль Кравчука, освѣщенный судорожнымъ свѣтомъ погасающей лампочки, не движется.

— Вотъ, смотрите, видѣли вы такого чорта? — съ нотками смѣха, удивленія и гнѣва поворачивается къ намъ фельдфебель. Нѣкоторые хихикаютъ, но большинство напряженно слѣдитъ, что будетъ дальше.

— Ты! Штунда чортова! — снова тыкаетъ онъ „штунду“ ладонью въ лобъ.

Громадная, остриженная голова слегка откидывается назадъ и снова упрямо смотритъ предъ собой суровымъ, сосредоточеннымъ взглядомъ.

— Богу молится! Спасается!.. Ишь, святой какой!.. А до иконы? А встать? Ты! — проводитъ Сидоръ Максимовичъ нальцемъ по губамъ Кравчука, которыя издаютъ при этомъ хлюпающій звукъ, вызвавъ нервный, мгновенный смѣхъ у зрителей.

— Вы посмотрите: сидитъ таки, — хоть бы зволили поворохнуться... Вы! Ваше превосходительство! — хватая двумя пальцами за носъ Кравчука и поворачивая его къ себѣ, слегка наклоняется фельдфебель. — Поглядите жъ хоть на насъ.. Во!.. — держа за носъ и показывая намъ, смѣется онъ. — Какой патретъ!

Картина, дѣйствительно, до того странная и вмѣстѣ смѣшная, что публика невольно разражается какимъ то нервнымъ, возбужденнымъ хохотомъ. Но Кравчукъ все такъ же, не шевелясь и не двинувъ даже сложенными на колѣняхъ руками, съ невольно закинутой назадъ головой сурово что то шепчетъ и смотритъ куда-то чрезъ наши головы.

— А до иконы молиться, болячка бъ съ тобою молилась, до иконы.., до иконы... — водя за носъ то вправо, то влѣво, наставительно хрипитъ фельдфебель. — До иконы, штунда проклятая! Ну? — отнимая руку отъ носа, серьезно кричитъ онъ и вдругъ брезгливо смотритъ на свои пальцы и вытираетъ объ штаны.

— Фу! Харя! Чисто замазалъ пальцы объ носъ! Чтобъ тебя дубомъ поставило, вставай! А то я тебя такъ подниму, шо ажъ до горы ногами станешь. Вставай!

Вдругъ Кравчукъ глубоко вздыхаетъ, перестаетъ шептать и встаетъ. Молча натянувъ на себя мундиръ, онъ неуклюже поворачивается и, презрительно-сурово поглядѣвъ на фельдфебеля, тяжело направляется къ намъ.

Это молчаніе, а особенно презрительный взглядъ, взрываютъ Сидора Максимовича.

— Стой! — бѣшено рявкаетъ онъ. — Стой, тебѣ говорю! — хрипитъ онъ, видя, что Кравчукъ даже не оглядывается.

Гигантъ вдругъ молча останавливается и съ спокойно-суровымъ ожиданіемъ оборачивается.

— Ты что жъ это? — быстро подходитъ къ нему Сидоръ Максимовичъ, тяжело сопя и злобно впиваясь въ него выпуклыми, сѣрыми глазами. — Что ты себѣ увображаешь, я съ тобой шутки шутить буду? Га? Ты знаешь,—бранится онъ матерной бранью, — что молиться по православному надо, га? Всѣмъ умѣстѣ!

— Я не умѣю по командѣ... Грѣхъ по командѣ молиться... Фарисеи такъ дѣлали... — неохотно, хмуро гудитъ Кравчукъ и, отвернувъ голову въ сторону, умолкаетъ.

— Такъ?! — съ яростію хрипитъ фельдфебель. — Мы фарисеи? Начальство фарисеи? Га?

Кравчукъ хочетъ что-то сказать, но въ этотъ мигъ быстро поднимается короткая, толстая рука Сидора Максимовича и съ громкимъ плескомъ падаетъ ему на щеку.

Среди насъ проходитъ тяжелый, задержанный вздохъ, словно мы падаемъ куда то глубоко-глубоко. Кравчукъ же лишь пошатнулся и молча стоитъ, глядя куда то въ сторону.

— Мы фарисеи? Га? Фарисеи? — шипитъ фельдфебель — Я тебѣ покажу „фарисеи"! Маршъ умываться! Ты сегодня будешь еще съ командиромъ разговаривать. Онъ тебѣ покажетъ, какіе мы фарисеи... Маршъ! Всѣ маршъ!

Мы круто поворачиваемся, снова глубоко, но свободно вздыхаемъ и сначала молча, а затѣмъ горячо разговаривая всѣ вмѣстѣ, идемъ въ сѣни.

Умываемся торопливо, небрежно, на скорую руку вытираемъ горячія лица и, поглядывая на дверь, возбужденно обсуждаемъ происшедшее. Кравчукъ тоже умывается, но молча плещетъ холодной водой на красную щеку и даже не оборачивается къ намъ. Къ нашей кучкѣ приближается Дудка съ полотенцемъ на плечѣ.

— А скверно ты, братъ, сдѣлалъ! — подходя къ Кравчуку, серьезно говоритъ онъ и изо всей силы хлопаетъ того по наклоненной надъ корытомъ спинѣ. Кравчукъ молча поворачиваетъ свое мокрое лицо съ рѣзко-красной щекой и сумрачно-ожидательно смотритъ на него.

Мы тоже немного стихаемъ.

— Ей Богу, скверно! — даже не усмѣхнувшись, продолжаетъ Дудка.—Когда онъ взялъ тебя за носъ, было бъ шмаркнуть ему полную руку, вотъ и не бралъ бы другой разъ... А то...

Хохотъ заглушаетъ его слова и даже самъ Кравчукъ невольно смѣется и, отвернувшись, умывается.

— А ей Богу! — вскрикиваетъ Дудка, чуть усмѣхаясь.— Что жъ онъ тебя за деликатное мѣсто беретъ? И не виноватъ былъ бы! Само!

— Нѣтъ! — вдругъ горячо перебиваетъ его солдатикъ съ сережкой въ ухѣ, прозванный у насъ Рлапорлтомъ за то, что вмѣсто р выговариваетъ рл. — Рлазвѣ онъ имѣетъ прлаво запрлещать ему молиться? А? По какому такому прлаву? А еже-

ли я не вѣрлю по вашему?

— Да не мо-о-зетъ быть? — насмѣшливо протягиваетъ Дудка, поворачиваясь къ нему. — А ты зъ узе забылъ то рлаво, какъ тебя по морлдѣ били? А?

— Иди къ чорлту, дурлакъ! — сердито огрызается Рлапорлтъ.—Ты, какъ мальчикъ все рлавно, никоторлаго понятія. Я говорю по серьезному, а онъ...

— Ша! — вдругъ торжественно поднимаетъ руку Дудка. — Рлапорлтъ будетъ серьезно рлапорлтовать!

— Дурлакъ и больше ничего! — съ гнѣвомъ поворачивается Рлапорлтъ и, плюнувъ, идетъ въ казарму подъ смѣхъ товарищей.

— А я бъ, накажи меня Господь, далъ бы когда нибудь сдачи фитьфебылю, ежели бы онъ вязнулъ такъ ко мнѣ, какъ къ Кравчуку — задумчиво говоритъ Шабатуровъ, тоже съ полотенцемъ на плечѣ.—Просто жъ мучитъ, сукинъ сынъ... И кажный тебѣ день, кажный день!

— Что, Кравчукъ?—снова хлопая того по спинѣ, поворачиваетъ къ нему свое рябоватое, худенькое лицо Дудка. — Слышь, что говоритъ наша Шабатурка?

— Нельзя проливать чужой крови — глухо гудитъ надъ корытомъ Кравчукъ.—„Кровь брата вопіетъ ко Мнѣ“; сказано...

— Эге! — не зная, что сказать, махаетъ рукою Дудка.— Что тамъ „брата“...

Но всѣ почему то сразу задумываются, потомъ вдругъ словно просыпаются и поспѣшно идутъ въ казарму.

— А того... идола еще нѣтъ? — встрѣчаетъ фельдфебель послѣднихъ.

— Умывается, Сидоръ Максимовичъ!

— Намордасникъ смываетъ?

— Такъ точно!

— Позвать его на молитву!

Кравчука зовутъ. Онъ не спѣша идетъ, складываетъ свое полотенце на подушкѣ и становится въ рядъ. По командѣ фельдфебеля мы начинаемъ пѣть хвалу царю небесному, притомъ съ такимъ воодушевленіемъ, что начинаешь ощущать въ ушахъ барабанную перепонку.

— Стой! — вдругъ кричитъ фельдфебель.

Всѣ моментально умолкаютъ и удивленно озираются.

— Ты жъ это, почему не молишься? — подходя къ Крав-

чуку, сипитъ Сидоръ Максимовичъ. — Почему не спиваешь?

Кравчукъ молчитъ.

— Молись мнѣ сейчасъ же, харя штундарская, бо я тебя разорву, проклятаго!

— Хоть и съѣшьте! — буркаетъ Кравчукъ, не глядя на него. Фельдфебель на мигъ столбенѣетъ и не знаетъ, что сказать. Впрочемъ, это съ нимъ бываетъ довольно часто, если въ жизненный опытъ его попадаетъ что нибудь непривычное. Онъ въ такихъ случаяхъ странно и комично раскрываетъ глаза и ротъ и, застывъ, стоитъ нѣсколько мгновеній, словно подавившись услышаннымъ.

— Ага! Ты такъ?—наконецъ, тихо говоритъ онъ.—Ну, хорошо же! Вотъ прійдутъ командиръ, я доложу имъ, какъ ты отвѣчаешь начальству... Хорошо, хорошо!.. На-чи-най! — вдругъ грозно командуетъ онъ и прерванное пѣніе молитвы продолжается.

Послѣ молитвы десять минутъ отдыха, а затѣмъ ученіе. Тутъ также не обходится безъ „фокуса“, и къ тому времени, когда въ казарму долженъ прійти ротный, фельдфебель уже только сипитъ.

— Вста-ать! Смирно-о!!—вдругъ, какъ ошпаренный, кричитъ дневальный и въ казармѣ, точно въ сказкѣ по мановенію злого колдуна, все замираетъ на своихъ мѣстахъ. Кто собирался взять винтовку, такъ и остается у козелъ; кто отставилъ ногу, такъ и замеръ. Я не разъ смотрѣлъ въ такія минуты на Кравчука, надѣясь увидѣть, какое впечатлѣніе производитъ на него появленіе его главнаго врага; но, сколько я ни присматривался, лицо его было всегда сурово-спокойное, каменно-твердое. И развѣ лишь становилось еще тверже соотвѣтственно величинѣ начальства.

— Ваше высокоблагородіе, въ третьей ротѣ,—между тѣмъ рапортуетъ дежурный, выскочивъ навстрѣчу ротному съ блѣднымъ, перепуганнымъ лицомъ, — въ третьей ротѣ Суздальскаго пѣхотнаго полка...

И, спутавшись, тревожными, широко раскрытыми глазами неподвижно смотритъ на Статую, который холодно, не перебивая его, слушаетъ, держа „подъ козырекъ“.

Минуту оба молчатъ и въ казармѣ настаетъ гробовая тишина.

— Ваше высокоблагородіе, въ третьей ротѣ, — начинаетъ

снова дежурный и слышно, какъ голосъ его перерывается и какими то кусками выскакиваетъ изъ горла. — Въ третьей ротѣ Суздальскаго пѣхотнаго полка... во время... дежурства... происшествій... никакихъ не случилось! Здравія желаю, ваше высокоблагородіе!

— Прежде всего — спокойно, холодно начинаетъ ротный, опуская руку съ козырька,— ты — негодный дежурный. Понимаешь? Ты не можешь своему ротному командиру отрапортовать, какъ слѣдуетъ. За это ты пойдешь на 5 сутокъ подъ арестъ. Затѣмъ, ты —негодный солдатъ. Ты не умѣешь правильно стоять. Какъ ты стоишь? Ты погляди, какъ ты стоишь? Какъ носки у тебя?

Дежурный наклоняетъ голову и съ ужасомъ видитъ, что носки у него разошлись сверхъ положеннаго больше, чѣмъ на два, а то, чего добраго, и на цѣлыхъ три пальца. Придавленный этимъ, онъ поднимаетъ голову и покорно снова смотритъ въ холодные каріе глаза ротнаго, стальнымъ, острымъ взглядомъ пронизывающіе его.

— За это ты пойдешь еще на пять сутокъ. И третье, ты — трусъ. Понимаешь? За это пойдешь не въ очередь въ караулъ. А теперь повернись, сдѣлай десять шаговъ, вернись назадъ и отрапортуй снова. Только смотри: маленькая ошибка и еще пять сутокъ. Маршъ!

Дежурный поворачивается, дѣлаетъ *девять*, а не десять шаговъ, и идетъ назадъ. Не доходя пяти шаговъ до ротнаго, останавливается и, взявъ подъ козырекъ, начинаетъ:

— Ваше высокоблагородіе, въ третьей ротѣ...

— Отставить! — перебиваетъ ротный.

Дежурный умолкаетъ.

— Ты сколько шаговъ сдѣлалъ?

— Десять, ваше высокоблагородіе.

— Значитъ, ты ко всему еще и дуракъ: не умѣешь до десяти посчитать. За это ты пойдешь еще на двое сутокъ. Ступай еще разъ. Маршъ!

Тотъ поворачивается и снова идетъ. И мнѣ ясно видно его веснушчатое, несимпатичное лицо, дрожащими губами старательно высчитывающее шаги.

На этотъ разъ рапортъ оканчивается благополучно, и ротный идетъ дальше.

— Здорово, братцы!—какъ лязгъ ножа о камень, слышится

за нимъ возлѣ каждаго взвода и въ отвѣтъ ему всякій разъ:

— Здрав... жлай... ваш... всок... родь!

— Ну, Кравчукъ, готовься!—толкая его локтемъ въ бокъ, шепчетъ Дудка, глядя, какъ фельдфебель исчезаетъ за ротнымъ въ канцеляріи.

Кравчукъ глубоко, какъ волъ, вздыхаетъ и точно будто готовится.

Проходитъ двѣ минуты, три, пять, ни фельдфебеля, ни ротнаго не видать.

— Рлапорлтуетъ!—шепчетъ Дудка; но никто даже не улыбается.

Но вотъ скрипитъ дверь изъ канцеляріи и въ ротѣ появляется командиръ, а за нимъ фельдфебель.

Мы вытягиваемся и каменѣемъ.

— Кравчукъ! — не очень громко и слишкомъ спокойно зоветъ капитанъ, останавливаясь противъ нашего взвода.—Иди сюда!

Кравчукъ дѣлаетъ нѣсколько тяжелыхъ, неуклюжихъ шаговъ и останавливается передъ ротнымъ. Тотъ минуту стоитъ, задумчиво глядя намъ куда то подъ ноги, и будто не замѣчаетъ гигантской фигуры. Глаза его, въ жилистыхъ мѣшечкахъ, не отрываются отъ нашихъ ногъ и словно даютъ намъ возможность, не встрѣчаясь съ его взглядомъ, еще разъ разсмотрѣть это слишкомъ знакомое, ненавистное намъ лицо.

— Видишь, Кравчукъ,—медленно поднимая голову и оглядывая того острымъ взглядомъ, начинаетъ Статуя.—Ты опять не покаялся.

И пристально смотритъ на Кравчука. Кравчукъ же, словно не къ нему рѣчь, стоитъ и глядитъ куда то черезъ голову Статуи.

— Если къ тебѣ обращается начальство, нужно смотрѣть на него... — не повышая голоса, добавляетъ капитанъ. И продолжаетъ пристально смотрѣть.

Кравчукъ переводитъ свой суровый взглядъ и спокойно глядитъ ему въ глаза.

— Стоять нужно ровно.

Кравчукъ выравнивается и слегка выставляетъ животъ.

— Животъ убрать нужно.

Животъ убирается, но зато спина сгибается.

— Грудь впередъ.

Мундиръ слегка потрескиваетъ и могучая грудь колесомъ выступаетъ впередъ.

— Руки по швамъ.

Руки словно прилипаютъ къ ногамъ.

Ротный снова обводитъ внимательнымъ взглядомъ всю фигуру съ ногъ до головы и начинаетъ:

— Ну-съ, а теперь я тебѣ вотъ что скажу. Ты не послушался приказанія своего начальника, фельдфебеля. Знаешь ты это?.. Онъ приказалъ тебѣ встать, а ты даже никакого вниманія не обратилъ на его приказаніе. Дѣло не въ томъ, всталъ ты или нѣтъ, а въ томъ, что ты не послушался. Понимаешь? Ты, значитъ, можешь не послушать и меня, и полковника, и самого царя? Да?

Кравчукъ молчитъ.

— Да?.. Я спрашиваю тебя. Отвѣчай же!

— Я Богу молился...—нехотя цѣдитъ сквозь зубы Кравчукъ.

— Значитъ, если ты будешь молиться Богу, а я прикажу тебѣ что нибудь сдѣлать, то ты не сдѣлаешь? Если, напримѣръ, придетъ непріятель и станетъ насъ убивать, а я прикажу тебѣ защищаться, а ты въ то время будешь молиться, то ты не послушаешься?

Хотя солдатики стоятъ неподвижно, но я по движенью губъ, глазъ вижу, что эти слова сдѣлали то, чего хотѣлъ капитанъ. Онъ и самъ это замѣчаетъ, хотя всего лишь разъ окидываетъ насъ внимательнымъ, быстрымъ взглядомъ.

— Ну? Отвѣчай же!

— Я все равно... не могу убивать... никого...

— Тогда тебя разстрѣляютъ?

Кравчукъ двигаетъ лицомъ, точно говоря: „ну, что жъ!“

— Хм!—очевидно, немного смутившись отъ такого молчаливаго отвѣта, но не показывая этого ни однимъ движеніемъ, словно съ сожалѣніемъ къ Кравчуку усмѣхается капитанъ. —Не боишься? Ну, что жъ, когда нибудь увидишь... Это разъ. А второе... Ты вотъ стоишь предо мной, будто страдалецъ какой... Мучаютъ тебя безвинно, придираются безъ толку. Такъ, должно, и всѣ товарищи твои думаютъ. Бѣдный! Такой маленькій, обижаютъ его!..

Если бъ въ строю можно было смѣяться, то я увѣренъ, что тѣ „товарищи“, на губахъ которыхъ играетъ улыбка, захихикали бъ. Но ротному достаточно и улыбокъ (хотя и

этого въ строю „не полагается“).

— И никто не вступится за него..., ни тятя, ни мама.. Хотя бы братикъ былъ...

— Онъ, ваше высокоблагородіе, — хихикая, осмѣливается выступить изъ-за ротнаго, фельдфебель,—такъ и говоритъ, что его, значитъ, обиждаютъ...

— Ну, конечно! Жалобу вѣдь подавалъ,—соглашается ротный.—Такой несчастный! Вотъ, посмотрите на него! — поворачивая Кравчука къ намъ, чуть усмѣхается онъ блѣдной, холодной улыбкой.

Дѣйствительно, можно ль громаднаго слона назвать несчастнымъ? Трудновато. А мнѣ въ такихъ случаяхъ всегда представляется слонъ, опутанный цѣпями, канатами, неуклюжій, но страшный и могучій. Кажется, повернется онъ, зареветъ, встряхнетъ всѣмъ тѣломъ и полетятъ къ чорту всѣ путы, и берегись тогда всѣ фельдфебеля и ротные. Понимаетъ ли это капитанъ? Кажется, да. Но, долженъ признаться, его все-таки можно уважать за смѣлость, съ какой онъ такъ заигрываетъ съ этой силой, если только можно уважать человѣка, который нарочно ходитъ по краю обрыва и упивается холоднымъ замираньемъ сердца, глядя въ головокружительную бездну.

И бываютъ довольно серьезныя минуты. Тогда въ казармѣ становится такъ тихо, что, закрывъ глаза, можно подумать, что стоишь самъ гдѣ нибудь въ сказочно-мертвой пустынѣ. Блѣдныя солдатскія лица застываютъ въ напряженномъ страхѣ и впиваются въ ротнаго и Кравчука. А они, стоя другъ противъ друга, какъ зачарованные глядятъ въ глаза, и блѣдные оба, страшные, не шевелятся. Кажется, вотъ вспыхнутъ вдругъ дикимъ огнемъ глаза разъяреннаго Кравчука, раздастся ревъ и произойдетъ нѣчто безумно-страшное и... желанное. Лицо же капитана становится необыкновенно красивымъ: побѣлѣвшія губы судорожно усмѣхаются, щеки розовѣютъ, глаза увеличиваются, горятъ, дышетъ часто.

Это продолжается всего нѣсколько мгновеній, но намъ кажется это время длиннѣе всего ученія.

Вдругъ Кравчукъ съ шумомъ вздыхаетъ, точно выпустивъ изъ себя весь паръ бѣшенства и озирается. Капитанъ вздрагиваетъ, проводитъ дрожащей рукой по лицу и быстро идетъ въ канцелярію курить, не говоря больше никому ни слова. И

въ тотъ день рано уходитъ домой, молчаливый и даже будто грустный.

Повернувшись за рукой ротнаго къ намъ, Кравчукъ равнодушно смотритъ то на хмурыя, то на веселыя лица товарищей и, понурившись, застываетъ.

— Кравчукъ! — вскрикиваетъ капитанъ — какъ стоишь? Ровно стань!

Кравчукъ неохотно поворачивается къ нему и выравнивается.

— Я развѣ говорилъ тебѣ поворачиваться? Повернись назадъ... Ну... Теперь повернись ко мнѣ... Такъ... Теперь повернись къ иконѣ... Куда, куда? Къ иконѣ.

Кравчукъ бросаетъ въ него подозрительнымъ, хмурымъ взоромъ и поворачивается къ ряду темныхъ, какого то грязнаго цвѣта иконъ, на которыхъ можно различить только красныя губы архангела Михаила и соболиныя брови св. Николы Угодника. Я не разъ видѣлъ ироническую усмѣшку на губахъ Кравчука, когда онъ глядѣлъ на нихъ.

— Теперь сложи пальцы для креста и перекрестись.

Кравчукъ поворачиваетъ къ ротному свое широкое, четырехугольное лицо и молча глядитъ на него, не поднимая руки и не складывая пальцевъ.

— Куда глядишь? Перекрестись, тебѣ приказываю... Кравчукъ!

— Я не умѣю—глухо говоритъ Кравчукъ.

Ротный, ни слова не говоря, вдругъ оборачивается къ намъ, пробѣгаетъ по всѣмъ глазами и останавливается на мнѣ.

— Иди сюда!—спокойно киваетъ онъ мнѣ головой.

Я вздрагиваю и чувствую, какъ отъ этого спокойнаго кивка у меня вдругъ выростаетъ въ мозгу какой то тяжелый, бѣшеный клубокъ мыслей и яростно стучитъ кровью въ виски и въ лицо. Я еще ничего не понимаю, но сердце страшно бьется. Я твердо стучу каблуками по полу и ровно подхожу къ нимъ. Губы капитана чуть-чуть тонко и злорадно кривятся усмѣшкой. Онъ пристально смотритъ на меня.

— Возьми его руку—не сводя съ меня глазъ и показывая рукой на Кравчука, ровно говоритъ онъ,— и научи его креститься.

Мой бѣшеный клубокъ вдругъ замираетъ.

— Я не умѣю!—вдругъ неожиданно, какъ то само собой вырывается у меня и въ тотъ же мигъ я чувствую злость на себя за этотъ глупый и, какъ мнѣ кажется въ ту мину-

ту, трусливый отвѣтъ.

— Не умѣ-ешь?—удивленно протягиваетъ ротный. — Студентъ университета не умѣетъ сложить креста?

— Не могу! — злобно поправляюсь я и, забывшись, дѣлаю какое то движеніе рукой.

— Какъ стоишь? Что за маханіе руками? Фельдфебель... На сутки его подъ арестъ!

— Слушаю!—вытягивается рожа у фельдфебеля (Онъ вѣдь мой пріятель: куритъ мой табакъ и „занимаетъ“ деньги).

— Это тебѣ не университетъ, а казарма! Слышишь? Казарма! Никакихъ маханій руками не позволю. Сейчасъ же возми руку Кравчука и перекрести его. Слышишь?

И хотя голосъ его не поднимается выше ни на одинъ тонъ, но въ немъ слышится такая непоколебимая рѣшительность, что меня охватываетъ какое то холодное, страшное недоумѣніе. Не страхъ, не боязнь, а именно недоумѣніе. По голосу его я чувствую, что онъ не отступитъ отъ своего рѣшенія, но съ другой стороны я въ тотъ мигъ не могу представить себѣ, чѣмъ все это окончится; но окончиться, смутно вертится у меня, должно очень скверно, ибо непослушаніе карается серьезно.

Я молчу, затѣмъ отвѣчаю:

— Я не могу.

Въ горлѣ у меня першитъ, я прокашливаюсь и прямо гляжу ему въ глаза.

— То-есть, не хочешь?

Я молчу.

— Не хочешь?

— Не хочу.

— Ага! Прекрасно! Вотъ вамъ: видите?—вдругъ оборачивается онъ къ ротѣ, показывая на меня и Кравчука, который, къ слову сказать, ничуть не удивлялся моимъ отвѣтамъ и стоялъ съ такимъ понурымъ спокойствіемъ, словно рѣчь шла не о немъ, а о чемъ то совсѣмъ ему чуждомъ и неинтересномъ.

— Видите? Вотъ вамъ парочка несчастныхъ... Теперь видите, что за птицы эти студенты?

Я сразу понялъ все. Я понялъ теперь, почему онъ *меня*, а не кого другого вызывалъ, понялъ также, что мое непослушаніе ничего серьезнаго за собой не повлечетъ. Отъ этого,

или отъ того, что окончилось тяжелое недоумѣніе, мнѣ стало легче. Но зато въ груди поднялась такая злоба, что я серьезно сталъ бояться, какъ бы не броситься на ротнаго.

— Видите!—между тѣмъ продолжалъ ротный.—Онъ не можетъ, не хочетъ перекрестить человѣка... Я знаю, что въ моей ротѣ есть люди съ добрымъ и чувствительнымъ сердцемъ. Знаю и хвалю. Это—хорошо. Знаю, что имъ было жаль вотъ его (онъ, не глядя, повелъ на меня рукой), когда его привели къ намъ. Студентъ, благородный человѣкъ и—простой солдатъ. Правда, жаль? Знаю, знаю. Но не всякое жалостливое чувство—полезно. Возьмемъ такой примѣръ: поймали мужики волка въ овчарнѣ и бьютъ. Онъ кричитъ, изгибается, намъ видно, что ему больно. Но развѣ скажетъ кто нибудь изъ тѣхъ мужиковъ, что ему жаль волка? Нѣтъ. Вотъ такъ и здѣсь. Ваше жалѣніе его (онъ снова, не оборачиваясь, махнулъ въ мою сторону рукой)—это хорошо, это показываетъ, что вы — добрые люди. Но это съ другой стороны значитъ, что вы— неопытны. Это—волкъ! Я нарочно приказалъ ему перекрестить того другого волка. Я хотѣлъ показать вамъ ясно, кого вы жалѣете. Вотъ, теперь вы сами видѣли... Они оба креста боятся. А кто еще креста боится? Діаволъ!.. Знайте жъ, кого вы жалѣете!.. Это разъ. А второе тоже... До меня дошло, что вы начинаете у себя обсуждать, за что отдаютъ студентовъ въ солдаты, за что солдаты ходятъ усмирять рабочихъ и крестьянъ и тому подобныя вещи...

Здѣсь фельдфебель начинаетъ съ усиленно равнодушнымъ видомъ смотрѣть въ потолокъ, въ окна, и, встрѣтившись съ моимъ взглядомъ, быстро переводитъ взоръ снова на потолокъ.

— Да... И это хорошо. И это показываетъ, что у васъ доброе сердце. Но опять скажу, что не всякое доброе сердце къ добру ведетъ и не всякое обсужденіе—правильно... Вотъ вы обсуждаете, а ничего не знаете. Вамъ наговорятъ всего, вы и вѣрите. А повѣрите,—станете такъ думать и сами говорить всякія слова; а за это иногда можно и жизнью поплатиться. А все потому, что за совѣтомъ не обращаетесь къ старшимъ, опытнымъ людямъ, которые вмѣсто отца вамъ даны здѣсь... Все лукавствомъ хотите, хитростью... Я не запрещаю интересоваться, обсуждать... Интересуйтесь, пожалуйста, прошу даже, работайте мозгами, допытывайтесь, но... (многозначительная остановка) — знайте, гдѣ допытываться...

Вамъ интересно знать, за что берутъ студентовъ въ солдаты? Я вамъ сейчасъ скажу...

Онъ поворачивается къ намъ, сначала окидываетъ меня взглядомъ, затѣмъ Кравчука, снова меня и, обращаясь къ закаменѣвшимъ слушателямъ продолжаетъ:

— Я вамъ это скажу... На небѣ есть Богъ, на землѣ царь. Богъ правитъ людьми съ неба, а царь съ земли. Это всѣмъ извѣстно и такъ оно и должно быть. Такъ?

— Такъ точно, ваш... всок... бродь! — нестройно, но торопливо закричали слушатели.

— Такъ... И опять же не всѣ люди — равны: есть богатые, есть бѣдные, есть умные, глупые, высокіе, низкіе. „Ина слава солнцу, ина слава звѣздамъ“ — сказалъ Іисусъ Христосъ. Такъ?

— Такъ точно, ваш... всок... бродь!

— Такъ. Но есть такіе люди, которые этого не понимаютъ. Такіе люди хотятъ напасть на богатыхъ, забрать себѣ ихъ добро и самимъ воспользоваться имъ. А такъ какъ божескіе законы и справедливость на землѣ охраняетъ царь, то они хотятъ убить царя, хотятъ свергнуть его съ престола. Оттого они и креста боятся... А для этого они подговариваютъ вотъ такихъ, какъ Кравчукъ... Вы, навѣрно, думаете про себя: „вотъ, какой недобрый нашъ командиръ, издѣвается надъ Кравчукомъ, мучитъ его, преслѣдуетъ его понапрасну“. Правда, думали?

— Никакъ нѣтъ, ваш... всок... бродь! — испуганно, поспѣшно закричали слушавшіе.

Но капитанъ чуть усмѣхнулся и успокоительно махнулъ рукой.

— Ну, ну, не говорите... Вы—люди, у васъ также есть сердце. И это хорошо даже... Я не говорю, не скажу, что не наказываю Кравчука, не бью даже иногда. Не хочу неправды говорить: наказываю, вѣрно, и, можетъ быть, строго наказываю, но нужно же подумать, за что наказываю. Вотъ вы видѣли сейчасъ: онъ не хочетъ креститься. Глупъ онъ, себѣ же вредитъ. Ничего святого не признаетъ... А чего же можно ждать отъ такого солдата? Какъ будетъ служить царю и отечеству? Я—отецъ вашъ и мнѣ больно за каждаго изъ васъ, какъ за родныхъ дѣтей. И за него больно. А сами вѣдь знаете, и родной отецъ не всегда наста-

вляетъ на путь истинный своихъ дѣтей одними поцѣлуями и молочной кашей, а иногда и березовой кашей угоститъ.

Онъ снова блѣдно, холодно усмѣхается, а нѣкоторые изъ солдатъ нарочно громко и угодливо хихикаютъ.

Я взглядываю на Кравчука. Онъ понуро стоитъ, равнодушно-задумчиво глядя въ окно, и незамѣтно на лицѣ его ни гнѣва, ни злобы, ни нетерпѣнія.

— Что жъ дѣлать, приходится! — вздыхаетъ капитанъ.— Вотъ скоро къ присягѣ вести нужно молодыхъ... Что же будетъ, если онъ и тамъ не захочетъ креститься? Не онъ будетъ отвѣчать, а я... Какой, скажутъ, ты ротный командиръ, если у тебя солдаты перекреститься не могутъ...

— Не хотятъ! — вдругъ неожиданно прогудѣлъ Кравчукъ.

Всѣ сразу перевели на него глаза и замерли. А я чуть въ восторгѣ не бросился ему на шею. Голубчикъ! Четверть, а то и цѣлая половина вліянія капитановыхъ словъ была уничтожена.

Очевидно, и самъ капитанъ это понялъ, потому что съ яростью повернулся и заревѣлъ:

— Молчать!! Какъ смѣешь перебивать, когда начальство говоритъ! Ступай сюда! — (Слѣдуетъ крѣпкая брань).

Кравчукъ сначала широко качнулся всѣмъ тѣломъ, затѣмъ ступилъ два шага и остановился.

— Ближе!

Тотъ подошелъ совсѣмъ близко.

— Ты что сказалъ? А? Что ты сказалъ, спрашиваю?!

Кравчукъ твердо и словно задумчиво глядѣлъ ему прямо въ лицо.

— Молчишь? — точно успокаиваясь, тише проговорилъ ротный и, немного отступивъ, размахнулся и звонко ударилъ его по щекѣ. Голова Кравчука качнулась влѣво, но сейчасъ поднялась лѣвая рука и ударомъ отбросила ее вправо.

Въ казармѣ слышно было лишь тяжелое, затрудненное сопѣніе Кравчука, словно онъ по лѣстницѣ несъ громадную тяжесть.

— „Не хотятъ“?.. „Не хотятъ“?—прошепталъ капитанъ.— Ты смѣешь мнѣ?.. Убью! Слышишь? Забью до смерти! Не шучу... Знай. Я шутить не умѣю! Вотъ видите теперь?— вдругъ снова повернулся онъ къ ротѣ.

Я взглянулъ на Кравчука. Щеки его были красныя, даже

кончикъ широкаго, чуть приплюснутаго носа тоже покраснѣлъ, но взглядъ его былъ все тотъ же, сосредоточенно-суровый и будто задумчивый. Только губы какъ-то странно порой подергивались и плотно затѣмъ сжимались, словно онъ сдерживалъ ихъ.

Капитанъ еще долго говорилъ. Затѣмъ вдругъ ушелъ въ канцелярію курить.

Послѣ обѣда я, усталый, прилегъ полежать. Недалеко отъ меня на койкахъ расположилась кучка солдатъ, громкимъ шепотомъ горячо разговаривая. Когда появлялась фигура фельдфебеля, они дѣлали скучающія невинныя лица и перемѣняли разговоръ. Потомъ снова оживлялись и шептали.

Я лежалъ, закрывъ глаза, и они думали, что я сплю.

— Вретъ онъ, что студенты, того, бунтуютъ!—слышно пылкій шепотъ Шабатурова. — Ей Богу, вретъ! Имъ правъ не даютъ! — таинственно сообщаетъ онъ.— Имъ, значитъ, никоторыхъ правъ нѣтъ!.. А что онъ, значитъ, не крестится, дакъ это наплевать!

Такой неожиданный конецъ немного удивляетъ компанію и я, чуть пріоткрывъ глаза, вижу, какъ они смотрятъ на него, но не возражаютъ, и Шабатуровъ, не смущаясь, продолжаетъ:

— Онъ думаетъ, что мы ему такъ и повѣримъ. Нѣтъ, братъ, смѣесься! Нѣтъ больше дураковъ, поженились! Вишь, сукинъ сынъ, въ отцы лѣзетъ. Пошелъ ты вонъ, ехида!.. По мордѣ, сволочь собачья, бьетъ. Нѣтъ такихъ правъ, чтобы по мордѣ бить!

— Эге!— усмѣхаясь, махаетъ рукой Макуха.—„Правъ“....

— А что? А вотъ пущай опять пожалится, и нагоритъ Статуѣ... За что бьетъ?

— Жалился уже... Знаемъ.

Шабатуровъ, видно, не имѣетъ ничего сказать на это, но не падаетъ духомъ и шепчетъ опять:

— А они—хороши... Сами дакъ и то, и другое... А солдату ничего нельзя... Не молится... А что, въ самомъ дѣлѣ, хорошо это, что мы по командѣ молимся?

— Ну, того... а развѣ то хорошо, что онъ не крестится?— медленно и задумчиво говоритъ мечтательный Макуха.—Дьяволъ, значитъ, въ емъ...

— „Дьяволъ“! — передразниваетъ Шабатуровъ.—Голова!

— А ну-да!—неувѣренно смотритъ на всѣхъ Макуха.

— А„ ну-да“!—снова презрительно передразниваетъ Шабатуровъ, но, очевидно, и ему это не совсѣмъ понятно.

— Ну, а что жъ въ самомъ дѣлѣ? — вмѣшивается еще кто то.

— Что?.. Не крестится, — значитъ, такая... вѣра... Вѣдь не убиваетъ же онъ никого этимъ... Онъ не грѣшитъ такъ, какъ мы... Самъ же знаешь... Вѣра такая, выходитъ!—смѣло уже рѣшаетъ онъ. — А какъ эти... какъ ихъ?... ну, поляки, что-ли, дакъ не такъ же крестятся, какъ мы, а все таки христьяне...

— Э.., такъ то жъ поляки! А вонъ какъ студентъ, такъ совсѣмъ не крестится...

Они взглядываютъ на меня, но я не шевелюсь.

— Студентъ... Ну, что жъ студентъ?.. Да и про студентовъ онъ вретъ! — опять перескакиваетъ Шабатуровъ.—Они совсѣмъ не подговариваютъ грабить, а по правдѣ хотятъ, чтобы всѣмъ хорошо... У меня былъ знакомый одинъ студентъ, дакъ Статуя ему и въ подметки не годится... Э, ненавижу сволочь собачую, вотъ и все!

Послѣднее больше всего убѣждаетъ публику и всѣ умолкаютъ. Потомъ раздается звукъ барабана и начинается суетня.

Этотъ день, однако, всѣ были больше тревожны, нежели обыкновенно. И даже, лежа уже на койкахъ поздно вечеромъ, усталые, изморенные, всетаки шептались и вертѣлись еще долго.

И мнѣ не спалось. Частенько не спится здѣсь. А въ особенности въ свѣтлыя, лунныя ночи. Даже мѣсяцъ робко смотритъ черезъ узенькое окно въ нашъ вертепъ; пройдетъ своимъ грустнымъ взглядомъ по грязному полу, наткнется на рядъ блестящихъ, холодныхъ штыковъ и испуганно удираетъ. А за нимъ тянется глупое сердце, тоже хочетъ на широкій просторъ, къ вольнымъ тучкамъ, полямъ. Эхъ! перевернешься съ трескомъ на казенной койкѣ и закроешь глаза. Но... не спится, родные!

Не спалось и въ эту ночь. Гдѣ то въ проходѣ горѣла лампочка, скупо освѣщая желтымъ свѣтомъ часть стѣны. Окна были свѣтлыя, видно, луна стояла надъ казармой. Храпѣли и тяжело дышали сосѣди.

Отчетливо помню всю дальнѣйшую сцену.

Я лежу и гляжу въ потолокъ, примирившись съ безсонницей. Грустно въ казармѣ отъ свѣтлыхъ оконъ, отъ сѣрой полутьмы, жалкой подачки роскошной, сіяющей ночи.

Вдругъ въ углу слышится чей-то тихій шепотъ. Быстро поворачиваю голову и вижу: на одной изъ коекъ сидитъ громадная фигура и, обернувъ лицо къ окну, что то тихо шепчетъ. Словъ разобрать нельзя, лишь порой напряженное ухо схватываетъ „душе моя“... „Спаситель“, „тяжко“, да глубокій, тяжелый вздохъ.

Затѣмъ шепотъ умолкаетъ и въ казармѣ становится словно тише, хотя храпѣнье не прекращается. Я напряженно слушаю.

Вдругъ оттуда неожиданно раздается сдерживаемое рыданье, тотчасъ же приглушается будто чѣмъ то мягкимъ и съ силой вырывается въ сѣрую полутьму густыми, громкими кусками.

Храпѣнье стихаетъ, а на Дудкиной койкѣ слышится шорохъ. Рыданье тоже утихаетъ. Проходитъ минута, другая и потревоженные спящіе снова заводятъ свою музыку.

На Дудкиной койкѣ приподымается фигура и мнѣ слышно:

— Ты опять?.. Стыдился бъ, морда... Чортъ! Только спать не даетъ... А еще штунда называется! Поможется что... Лягай, спи!..

Громадная фигура Кравчука покорно шевелится и укладывается на койкѣ.

Тихо.

— Опять домой тянетъ? — слышится хмурый голосъ Дудки.

— Тяжко! — хрипло вырывается у Кравчука.

И снова замолкаютъ.

— Онъ хочетъ душу мою погубить...—приподымается Кравчукъ. — Надъ вѣрой глумится...

Дудка молчитъ.

— Страшно мнѣ, Дудка... Гнѣвъ беретъ...

— Боишься?

— Боюсь... Гнѣвъ большой имѣю на него... Кровь пролью.

— Не тронь, — разстрѣляютъ.

— Душу погублю.

И снова тихо.

Мнѣ ужасно неудобно лежать на одной рукѣ, но я боюсь пошевелиться и напряженно слушаю.

— Да развѣ ужъ такъ таки нельзя перекреститься? — все такъ же хмуро, но съ ноткой любопытства спрашиваетъ Дудка. — Отмахнулъ бы да и все... Это-жъ крестъ...

— Значитъ, изъ страха глумиться надъ крестомъ надо?

— Зачѣмъ глумиться? Мы жъ-крестимся.

— Вы — слѣпые... Темные... Не вы отвѣчать будете, а попы и начальники... А я свѣтъ познялъ... Не пойду во тьму изъ страха...

— Какая жъ тьма? Крестъ то тьма?

— Духомъ креститься надо!.. Въ душѣ молитесь Богу... Познавшій свѣтъ во тьму не идетъ, токмо бѣжитъ изъ нея...

И вдругъ умолкаетъ на минуту, потомъ снова какъ то тоскливо и со страхомъ шепчетъ:

— Тьма на душу находитъ, Дудка, гнѣвъ... мутитъ... Не вижу уже свѣта... Все *онъ* стоитъ у меня предъ глазами... Душа гнѣвомъ мутится... Страшно мнѣ, Дудка!...

— А ты какъ нибудь такъ... не думай, что-ли...

— Снится... Во снѣ приходитъ... Все крестится и бьетъ меня... А я гнѣваюсь сильно... Молитва отходитъ... Духъ Божій покидаетъ меня, Дудка...

Что-то до того жалобное, мучительно-грустное звучитъ въ его словахъ, что я чувствую, какъ у меня невольно стискивается сердце и становится трудно дышать.

— Мучатъ они насъ! — съ ненавистью шепчетъ Дудка.— Служба!

— Дьяволу, Дудка, служба! Ему служимъ... Сказано „не убій“, а насъ учатъ убивать... Сказано: „любите другъ друга, какъ Я васъ возлюбилъ“, а насъ учатъ ненавидѣть... Гнѣвъ дразнятъ, душу убиваютъ... „Будьте равны, какъ дѣти“. А у насъ начальство. Кто ихъ поставилъ?.. А попы еще присягать велятъ... Не буду присягать діаволу!

— То повѣсятъ.

— Тѣло погублю, душу спасу!

— Разсказывай! А какъ потянутъ на висѣлицу, дакъ не то запоешь...

— Я?! — быстро выпрямляется на койкѣ Кравчукъ.—Запою?!. О, не дождутся они, проклятые!! — вырывается у него съ неудержимымъ, бѣшенымъ гнѣвомъ.—Не дождутся. Тѣло погублю, а...

— Да цыть!.. Побудишь всѣхъ... Чортъ!

Кравчукъ вдругъ стихаетъ и видно, какъ онъ осторожно склоняется къ подушкѣ.

— Не могу!.. — помолчавъ немного, снова начинаетъ онъ. —Не могу!.. Нѣтъ уже души у меня... Такъ гнѣваюсь, что голова крутится.., шумъ въ ушахъ... На всѣхъ, Дудка, гнѣваюсь... И на васъ, солдатиковъ, на всѣхъ... А на *нихъ* наибольше... Нѣтъ у меня души, Дудка, нѣту въ душѣ прощенія... Не могу прощать уже... Дома могъ прощать, всѣмъ прощалъ, а тутъ не могу... Убьетъ онъ мою душу... За что они насъ мучатъ, Дудка?!

Дудка немного молчитъ, потомъ глухо, угрюмо бурчитъ:

— Начальство... паны, а мы — что? Мужики. Имъ все можно... Вонъ въ какихъ квартирахъ живутъ, а мы, какъ скотина, въ грязи... Это за то, что мы служимъ имъ... Ну! будетъ когда нибудь и на васъ день!—Злобно поворачивается онъ на койкѣ, очевидно, ложась на спину.

— Будетъ, Дудка, будетъ!—вдругъ вдохновенно подхватываетъ Кравчукъ и снова приподымается.—Конецъ находитъ. Слышно голосъ Бога... Возстанутъ всѣ убогіе и бѣдные... и понесутъ свой крестъ. И настанетъ царство божіе на земли! Мы, Дудка, сыны божіи! Съ нами Духъ святой... Не съ ними, не съ панами... Бо мы, брате, обремененные и труждающіе!..

— Тише!.. Побудишь... Ляжь! — останавливаетъ несмѣло Дудка, но Кравчукъ не ложится и, на минуту понизивъ голосъ, продолжаетъ еще съ большей силой:

— И настанетъ наше царство... Не будетъ сильныхъ міра сего... Будетъ день, когда будутъ покланяться всѣ, Дудка, духомъ, а не въ церквяхъ и храмахъ...

— Да цыть!.. Побудишь...

— Ничего... Молчи... Пусть! Не мѣшай, Дудка. Пусть душа моя успокоится... Не гони, Дудка... Гнѣва нѣтъ... Духъ Божій, Дудка, съ нами... Молись, Дудка... Молись! Не нужно креста, не нужно иконы, такъ молись, душой молись... Любовью молись!.. За всѣхъ молись! И разрушатся капища ихъ..., палаты и дворцы падутъ... Духъ Божій воцарится на землѣ...

Шепотъ переходитъ снова въ громкую, полную страсти, полную какой-то дикой, пылкой вѣры, проповѣдь. Слова гудятъ и точно отрываются отъ чего то въ груди и вылетаютъ оттуда неровно, лихорадочно торопливо:

—Мы сотворимъ царство, брате!.. Не паны, не попы, Дудка, не богатые... „Легче верблюду пройти въ игольное ухо, чѣмъ богатому въ царство небесное“... И не тамъ оно будетъ, брате, не на небѣ, а на землѣ, среди насъ, среди бѣдныхъ, Дудка! Бо мы приняли Духа, мы очистили душу горемъ и печалью... Не паны... Они потопили душу въ винѣ, задушили ее праздностью, съ мягкимъ хлѣбомъ съѣли ее... Бо они забрали хлѣбъ нашъ и кровь нашу. Они взяли горе наше и наточили меду... Они взяли тѣло наше и спекли изъ него хлѣба мягкаго сесѣ... Они настроили казармъ и убиваютъ души наши... Горе имъ, брате! Горе имъ, фарисеямъ и мытарямъ!.. Настанетъ день суда... Покажемъ мы Богу свои руки искалѣченныя, свои души измученныя, и скажемъ: „Господи, ты знаешь все!“ Горе имъ! Молись, Дудка! Молись! Надъ нами Духъ божій,.. Молись!

На Дудкиной койкѣ поднялась темная фигура и стала что то шептать, усиленно крестясь. Я тоже заражаюсь этимъ страстнымъ шепотомъ и чувствую, какъ что то необыкновенно-сильное, странное охватываетъ всего меня, подымаетъ, возноситъ, и хочется громко, сильно пѣть, страстно и вдохновенно.

— Молись!.. Не нужно креститься... Не нужно церкви, поповъ... Съ нами Духъ. Слава, слава, слава!

Я начинаю ощущать, что со мною творится что то необыкновенное. Эта чадная атмосфера табаку, человѣческаго дыханья, кожи, сукна, эти сѣрыя, угрюмыя стѣны, жидкій свѣтъ луны, таинственныя тѣни, страстный, могучій шепотъ... Я также приподнялся и, кажется, заговорилъ что то.

Услышавъ, должно быть, мою возню, Дудка быстро оглянулся и, замѣтивъ меня, вдругъ какъ то согнулся, проворно улегся на койку и, какъ мнѣ показалось, дернулъ Кравчука. Но тотъ не слышалъ ничего.

— Довольно! Ложись спать... Къ чорту! — злобно пробурчалъ Дудка. —Слышишь? Кравчукъ... Будетъ! Всѣхъ побудилъ...

Кравчукъ стихъ и тоже, должно быть, замѣтивъ меня, повернулся и сталъ умащиваться. Въ полутьмѣ было слышно его частое тяжелое дыханіе.

Мнѣ стало стыдно и неловко. Медленно опустившись на подушку, я насунулъ на себя одѣяло и замеръ.

Около нихъ было тихо, словно ничего не происходило тамъ минуту назадъ. Казарма по прежнему храпѣла, гдѣ-то прошелъ дневальный и затихъ. Я слушалъ и ждалъ, но ни Кравчукъ, ни Дудка не шевелились. Ожидая, я заснулъ.

А на другой день Дудка еще больше дразнилъ Кравчука, смѣялся надъ нимъ, передразнивалъ и смѣшилъ всю роту. Встрѣчаясь со мной взглядомъ, глядѣлъ пристально и пытливо, сейчасъ же быстро отворачиваясь. И даже, мнѣ казалось, было что-то враждебное въ этомъ взглядѣ, угрожающее. Но я не подавалъ виду, что знаю о немъ что-нибудь особенное и не мѣнялъ своего отношенія ни къ нему, ни къ Кравчуку. Кравчукъ же снова тотъ же, что и всегда,—сосредоточенно-суровый и молчаливый.

Поздно уже. Мыши скребутся въ карцерѣ. Холодно. Завтра иду въ казарму. Какъ они тамъ? Будетъ. Усталъ.— Прощайте.— Пишите.

***

...Тотъ же карцеръ, моя канцелярія, откуда шлю свои посланія вамъ.

У насъ теперь идетъ экзаменъ по муштрѣ. До принятія присяги три дня. Старыхъ солдатъ выгоняютъ изъ казармы и все начальство цѣлые дни возится съ молодыми. Ротный, съ фельдфебелемъ сзади, ходитъ изъ взвода во взводъ и провѣряетъ, въ достаточной ли степени „постарѣли“ „молодые“.

Поручики и подпоручики съ возбужденными лицами, съ блескомъ увлеченія въ глазахъ стараются другъ предъ другомъ, точно въ самомъ дѣлѣ исполняютъ великое, разумное дѣло.

Экзаменъ проходитъ благополучно. Въ большинствѣ „братцы“ такъ вымуштрованы, что рота навѣрно получитъ отличіе. Но, какъ заботливый отецъ, ротный долженъ обойти всѣ взводы.

— Ну, — останавливаясь возлѣ какого-нибудь братца, „ѣдящаго глазами начальство“, экзаменуетъ онъ.— Ты кто такой?

— Молодой солдатъ второго отдѣленія, перваго взвода, второй полуроты, третьей роты пятнадцатаго пѣхотнаго Суздальскаго полка, четвертой дивизіи, Иванъ Бурякъ, ваше высокоблагородіе!

— Такъ. А что такое знамя?

— Знамя есть священная хоругвь, которую нужно защищать до смерти. Какъ отецъ даетъ благословеніе сыну, такъ и государь императоръ даетъ знамя полку, ваше высокоблагородіе.

— Такъ. А какая самая главная обязанность солдата?

— Служить вѣрѣ, царю и отечеству, защищать ихъ до послѣдней капли крови, хотя бы пришлось и умереть за нихъ, ваше высокоблагородіе.

— Такъ... Ну, а если бъ твой отецъ, напримѣръ,.. э... пошелъ противъ царя?.. Чтобъ ты тогда?..

— Убилъ бы, ваше высокоблагородіе! — весело и бодро выкрикиваетъ Иванъ Бурякъ и каменно глядитъ въ глаза капитану.

— Такъ. Молодчина!

— Радъ стараться, ваше высокоблагородіе!

— Хорошій солдатъ будетъ! — отходя, говоритъ Статуя фельдфебелю.

— Такъ точно — быстро соглашается этотъ. — Съ пониманіемъ солдатъ... Старательный...

Это слышатъ и взводный офицеръ, и унтеръ-офицеръ, и молодой солдатъ Иванъ Бурякъ и на лицахъ ихъ свѣтлымъ лучемъ проходитъ удовольствіе и гордость.

Правда, не всѣ отвѣчаютъ такъ гладко и вѣрно, нѣкоторые путаются, сбиваются, коверкаютъ слова и смыслъ; но достаточно посмотрѣть на отчаяніе и огорченіе ихъ, чтобы убѣдиться, что вымуштрованы они, какъ слѣдуетъ, только неуклюжія казенныя слова не держатся у нихъ въ головѣ. Но капитанъ совсѣмъ не узкій формалистъ, онъ не требуетъ, чтобы ему слово въ слово, какъ въ уставѣ, выкрикивали,— нѣтъ, онъ хочетъ, чтобъ солдаты „шевелили мозгами“, чтобы „своими словами“ могли передать заученное. Онъ нарочно даже любитъ ставить такіе вопросы, чтобъ на нихъ нельзя было найти готовой казенной фразы.

Вотъ онъ идетъ по взводу и вдругъ неожиданно останавливается и быстро спрашиваетъ перваго попавшагося:

— Кто враги твои?

Солдатикъ въ первую минуту отъ неожиданности теряется, но сейчасъ же широко раскрываетъ ротъ и стремительно кричитъ:

— Мои вороги — внутренни и внѣшни, ваше высокоблагородіе!

— Э, нѣтъ! — снисходительно хитро улыбается ротный. — Я тебя не спрашиваю, *какіе* твои враги. Я спрашиваю, *кто* враги твои. Понялъ?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе?

— Ну, такъ кто жъ твои враги?

Этого въ „словесности“ нѣтъ, поэтому солдатъ тупо, испуганно молчитъ.

— Ну?

Солдатикъ напряженно молчитъ, выпучивъ глаза.

— Вотъ видишь, Варфоломѣевъ, — торжествующе, но и слегка недовольно обращается ротный къ фельдфебелю. — Я говорилъ, что нужно, чтобы они сами думали надъ тѣмъ, что учатъ. Мало того, что онъ будетъ трещать мнѣ, какъ сорока. Нужно, чтобы онъ сознательно, съ пониманіемъ говорилъ это.

— Этого нѣту въ словесности, ваше высокоблагородіе, бросая угрожающе-сердитые взгляды на „несознательнаго“ солдатика, вытягивается фельдфебель.

— А-а! Вотъ то-то и оно! Нужно объяснять! Объяснять нужно!.. Ну, а будетъ твоимъ врагомъ тотъ, кто врагъ царю? — вдругъ поворачивается онъ снова къ солдатику.

Тотъ мгновеніе думаетъ и смѣло кричитъ:

—Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе!

—То есть, какъ? Онъ будетъ твоимъ пріятелемъ? — удивленно восклицаетъ ротный.

Фельдфебель, грозно, отрицательно качая головой, помогаетъ солдатику изъ-за спины капитана.

Молодой солдатъ безпомощно, растерянно смотритъ на нихъ.

— Ну, что же ты? Врагъ царя будетъ твоимъ пріятелемъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе!

— Громче, громче нужно отвѣчать. Голову ровнѣе держи... Ну, а вотъ тѣ, которые бунтуютъ теперь, студенты, рабочіе... Это пріятели твои?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе!

И вдругъ неожиданно, желая очевидно загладить свой промахъ, бодро кричитъ:

— Враги, ваше высокоблагородіе, которыхъ нужно убивать до послѣдней капли крови!

Капитанъ снисходительно, милостиво улыбается и поправляетъ:

— Убивать безпощадно... Такъ... Объяснять нужно, Варфоломѣевъ, объяснять...

И, отходя, онъ зоркимъ, холодно-стальнымъ взглядомъ окидываетъ напряженно-застывшія фигуры солдатъ и словно ищетъ чего то.

— Поясъ нужно подтянуть!.. - киваетъ онъ унтеръ-офицеру на какого нибудь солдата.

Тотъ схватывается, подскакиваетъ къ солдату и, сердито что то шепча ему въ ротъ, упирается колѣномъ въ животъ бѣдняги и подтягиваетъ.

— Кулаковъ! Что пальцы выставилъ? Спрячь!

Кулаковъ вздрагиваетъ и съ испугу совершаетъ преступленіе: поворачиваетъ голову и шевелитъ рукой.

— Кулаковъ! Тебѣ сказано пальцы спрятать, а не голову поворачивать. На сутки его! — бросаетъ ротный къ фельдфебелю.

— Слушаю! — подноситъ этотъ руку къ козырьку.

Но вотъ и наша очередь. Мы уже давно слышимъ и отчасти видимъ, какъ идетъ экзаменъ въ другихъ ротахъ. Всѣ подтягиваются, нетерпѣливо поглядывая къ сосѣдямъ, и горятъ желаніемъ выказать себя съ наилучшей стороны.

Заслышавъ шаги капитана, нашъ подпоручикъ окидываетъ насъ зоркимъ, внимательнымъ взглядомъ и, остановившись мгновеніе на Кравчукѣ, взволнованно ждетъ. Мы сидимъ на своихъ койкахъ и также смотримъ въ ту сторону, откуда долженъ появиться капитанъ.

И вотъ появляется стройная, затянутая фигура Статуи. Подпоручикъ схватывается и кричитъ:

— Вста-ать! Смирно!

Мы, какъ китайскіе болванчики, въ мигъ выпрямляемся и стоимъ. Я не поворачиваю головы, но вижу, что подпоручикъ сейчасъ же подходитъ къ ротному и что то тихо говоритъ ему. Словъ не слышно, но я догадываюсь, что рѣчь идетъ о Кравчукѣ. Поговоривъ, ротный двигается дальше и, медленно проходя мимо, внимательно съ ногъ до головы оглядываетъ каждаго.

— Шабатуровъ! Животъ убрать!

Шабатуровъ втягиваетъ въ себя воздухъ и, задыхаясь, сто-

итъ съ „убраннымъ“ животомъ.

Статуя, обойдя всѣхъ, усаживается противъ насъ на койку и, не глядя на Кравчука, негромко зоветъ:

— Кравчукъ!

Секунды три тихо, затѣмъ слышится неторопливое, густое:

— Я.

— Нужно отвѣчать скорѣе... — все такъ же не поворачивая къ нему головы, говоритъ ротный. И прибавляетъ:

— Ступай сюда.

Лицо его становится еще холоднѣе, желтизна на краяхъ лба словно рѣзче выдается и губы сжимаются съ какимъ то холоднымъ сладострастіемъ, словно онъ смакуетъ предстоящее наслажденіе, опасное, но сильное.

Кравчукъ, не торопясь, выходитъ и по всѣмъ правиламъ останавливается передъ нимъ, даже каблуками сочно стукаетъ. Но лицо его хмуро и блѣдно.

— Стань такъ, чтобъ и я тебя видѣлъ, и чтобъ товарищамъ твоимъ было видно тебя.

Кравчукъ поворачивается такимъ образомъ, что намъ видно его правый профиль, а капитану лѣвый.

— Молодчина! — довольно восклицаетъ капитанъ, очевидно не ожидавъ такого толковаго исполненія его приказанія.

Кравчукъ равнодушно молчитъ.

— Нужно говорить „радъ стараться, ваше высокоблагородіе“ — строго, холодно замѣчаетъ Статуя.

— Радъ стараться... — буркаетъ Кравчукъ.

— Ваше высокоблагородіе... добавляетъ капитанъ.

— Ваше высокоблагородіе...

— Нужно всегда прибавлять „ваше высокоблагородіе“, ты не новичокъ уже... Вотъ черезъ три дня старымъ солдатомъ будешь. Примешь присягу, тогда уже нужно все дѣлать и знать, какъ „Отче нашъ“. Ты теперь кто такой?

— Никита Кравчукъ.

Мы холодѣемъ отъ этого отвѣта, но капитанъ словно не видитъ ничего ужаснаго въ немъ и спокойно говоритъ:

— Не такъ. По формѣ нужно отвѣчать... Тебя же учили... Ну?

Кравчукъ молчитъ.

— Видишь, Кравчукъ, я съ тобой, какъ съ малымъ ребен-

комъ обращаюсь, всѣ грѣхи твои прощаю, а ты все такой же, какъ и былъ. Ну, скажи самъ, можно ли лучше обращаться съ солдатомъ, какъ я обращаюсь съ тобой. Ну, скажи по совѣсти.

Дѣйствительно,—я забылъ сказать,—эти послѣдніе дни передъ экзаменомъ онъ относится къ Кравчуку совсѣмъ по иному: не бьетъ, не издѣвается, не наказываетъ, почти всѣ нарушенія дисциплины прощаетъ, мягко, уступчиво, но... каждую свою милость сопровождаетъ такими настойчивыми указаніями на эти милости, что Кравчукъ сдѣлался еще угрюмѣе и сосредоточеннѣе.

— Ну, что же ты молчишь? Кравчукъ! Не знаешь? Если не знаешь, то прямо скажи „не могу знать“ и тебя еще подучатъ. Ну?

Кравчукъ еще секунду молчитъ, потомъ, рѣшительно и сурово глядя передъ собой, густымъ, ровнымъ голосомъ произноситъ:

— Молодой солдатъ перваго отдѣленія, перваго взвода, первой полуроты, первой роты пятнадцатаго пѣхотнаго Суздальскаго полка, четвертой дивизіи, Кравчукъ Никита.

— А „ваше высокоблагородіе“?

— ... Ваше высокоблагородіе.

— Такъ. Ну, вотъ видишь, знаешь же, и хорошо знаешь. Ну, а что такое присяга?.. Ну, Кравчукъ?

— Присяга есть клятвенное обѣщаніе передъ евангеліемъ и крестомъ... — и вдругъ плотно сжимаетъ губы и умолкаетъ.

Мнѣ видно, какъ глазъ его быстро, подозрительно-сурово взглядываетъ на капитана и снова упрямо смотритъ куда то на винтовки.

— Ну, ну... „есть клятвенное обѣщаніе предъ евангеліемъ и крестомъ“... а дальше? Ну, а дальше что? Въ чемъ же клятва? Ну... „служить вѣрой и правдой вѣрѣ, царю и отечеству“... Ну... „защищать ихъ до послѣдней капли крови“... Ну, что же ты?.. „хотя бы пришлось и умереть за нихъ“. Такъ? Кравчукъ?

— Такъ.

— Нужно говорить: „Такъ точно, ваше высокоблагородіе“.

— Такъ точно.

— „Ваше высокоблагородіе“...

— Ваше высокоблагородіе.

— Эхъ, Кравчукъ, Кравчукъ! — грустно качаетъ Статуя головой. — Вводишь ты въ грѣхъ меня. Вонъ твои товарищи глядятъ на насъ и, вѣрно, думаютъ: „Вишь, какой несправедливый нашъ командиръ. За такіе отвѣты насъ навѣрно наказалъ бы, а Кравчуку ничего“.

Не знаю, ловится ли Кравчукъ на эту тонкую удочку, ибо и бровью не ведетъ, но по нѣкоторымъ солдатскимъ физіономіямъ вижу, что капитанъ кое что уловилъ.

— А все болѣзнь твоя... Больной ты человѣкъ, Кравчукъ... Мозгомъ больной... Нѣтъ порядка въ головѣ у тебя... А что же, конечно, требовать съ больного?

Это неожиданное добавленіе, этотъ хитрый и новый ходъ вызываетъ у всѣхъ тревожное удивленіе. Нѣкоторые даже переглядываются, широко раскрывъ глаза.

— Смирно! — холодно-строго бросаетъ къ намъ Статуя и снова обращается къ Кравчуку, который сначала тоже удивленно взглянулъ на него, а затѣмъ, словно понявъ, въ чемъ дѣло, поблѣднѣлъ и еще суровѣе нахмурился.

— Придется тебя въ больницу на испытаніе отправить... Что жъ дѣлать? Ты не можешь служить...

Мнѣ становится холодно и жутко, ибо каждому извѣстно, что отправленные на испытаніе никогда въ роту не возвращаются, а либо идутъ домой, дѣйствительно заболѣвъ во время „испытанія“, либо остаются въ больницѣ долгіе годы подъ рубрикой „безнадежныхъ“. Само же „испытаніе“ такихъ посылаемыхъ изъ частей заключается въ истязаніи и скорѣйшемъ приведеніи самаго здороваго организма въ полнѣйшую негодность.

— Что жъ дѣлать? — печально и безпомощно, разводя руками, пристально смотритъ на Кравчука капитанъ. — Не можешь... Ну, какой ты солдатъ? Какъ я пошлю тебя въ караулъ или куда нибудь, гдѣ требуется дисциплина? Ты — больной! У тебя какая то своя вѣра, которая не позволяетъ тебѣ защищать себя и другихъ... Ты вотъ не хочешь, какъ я слышалъ, присягать... Говоришь, что война — грѣхъ... Вѣдь это — болѣзнь. Наказывать за это нельзя, но и на службѣ держать невозможно. Ты — сумасшедшій... Да, да! Твои товарищи не могутъ понять твоей болѣзни, люди они необразованные, ну, и будутъ думать, что ты здоровъ и будутъ

подражать тебѣ... А это уже не шутки... Я и самъ сначала думалъ, что ты нормальный, здоровый... И наказывалъ тебя, а какъ увидѣлъ, что это не дѣйствуетъ на тебя, то и задумался. Сталъ присматриваться къ тебѣ и вижу, что просто-на-просто ты боленъ... Больной, душевно-больной человѣкъ.

— Я — здоровый, я не боленъ! — глухо вырывается у Кравчука, и мнѣ видно, какъ онъ словно глотаетъ что-то.

— Нѣтъ, братецъ, боленъ. Мозгъ больной у тебя...

— У меня ничего не болитъ... Все... здоровое...

— Хе! — съ снисходительной жалостью къ нему усмѣхается ротный. — Это правда, — ты тѣломъ здоровъ. И всѣ сумасшедшіе здоровы, сначала и не узнаешь, что онъ боленъ. И говоритъ словно разумно, и глядитъ, какъ всѣ, а больной... И ты говоришь такъ, точно здоровый... А вотъ я зналъ одного больного,—все какъ слѣдуетъ: и здоровый такой изъ себя, румяный, говоритъ разумно, а чуть прикоснись къ нему, сейчасъ же начинаетъ кричать, чтобъ къ нему не прикасались, потому что онъ, дескать, стеклянный и его можно разбить. Вотъ тебѣ! Точно такъ и ты... Все, какъ слѣдуетъ, а чуть коснись твоей вѣры, такъ тутъ и видно, что ты больной, сумасшедшій..

— Здоровый я! — снова угрюмо бурчитъ Кравчукъ.

— Ну, вотъ! — разводя руками и обращаясь къ намъ, грустно показываетъ на него головой капитанъ.—Вотъ такъ они всѣ: здоровъ да здоровъ. Ну, какой же ты здоровый, скажи ты мнѣ? А? Вонъ — здоровые! (показываетъ на-насъ) Вотъ это люди здоровые. Всѣ они и начальству отвѣчаютъ, какъ слѣдуетъ, и службу знаютъ, и присягу примутъ, какъ подобаетъ здоровому солдату. Ихъ и въ караулъ послать можно, и на войну пойдутъ, и царю вѣрно служить будутъ. А ты? Начальство свое не почитаешь, службу исполняешь скверно, присягать не хочешь .. Какой же ты здоровый человѣкъ? И одинъ ты на всю роту... Самъ же ты подумай. Ежели ты здоровый, то, значитъ, въ такомъ случаѣ мы всѣ—сумасшедшіе? Вѣдь такъ же?

Кравчукъ молчитъ, а мнѣ такая постановка вопроса кажется довольно правильной и интересной.

— Ну?.. По твоему жъ такъ выходитъ: если ты здоровъ, то мы — сумасшедшіе. Ха-ха-ха! — и искренно довольный такимъ выводомъ, капитанъ оглядывается на подпоручика и

смѣется. Тотъ тоже хохочетъ и даже фельдфебель хихикаетъ вполнѣ искренно. Нѣкоторымъ солдатамъ также хочется засмѣяться, но другіе стоятъ серьезные и блѣдные. Видно, что они не совсѣмъ увѣрены, что капитанъ правъ.

— Такъ? — смѣясь, глядитъ Статуя на Кравчука и съ той же улыбкой обращается къ намъ:

— А вы что скажете, такъ или нѣтъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе! — жидко и нервно отвѣчаетъ взводъ.

— Вотъ видишь, — серьезно опять обращается ротный къ Кравчуку.— Даже товарищи твои признаютъ, что ты — больной. Придется отправить тебя въ госпиталь... Тебѣ лѣчиться нужно, а не царю служить.

— Я не хочу въ госпиталь, я — здоровый... — чуть не шепотомъ хрипитъ Кравчукъ и видно, что онъ не можетъ совладать со своимъ страхомъ. И мнѣ такъ обидно становится за этотъ боязливый шепотъ, такая вдругъ злоба вспыхиваетъ въ груди, что я забываюсь, шумно вздыхаю и дѣлаю какое то рѣзкое, нетерпѣливое движеніе.

Но зорокъ капитанъ и умѣетъ видѣть, не глядя.

Быстро взглянувъ на меня, онъ почему то вдругъ свирѣпѣетъ и кричитъ:

— Ты какъ стоишь?! Ты гдѣ: въ университетѣ или въ казармѣ? На двое сутокъ его строгимъ арестомъ! — бросаетъ онъ фельдфебелю. Тотъ беретъ подъ козырекъ и, молча взглянувъ на меня, выравнивается.

Я закусываю до крови губу, но молчу.

— Я, ей Богу, здоровый! — вдругъ рѣшительно, но уже съ нотками злобы говоритъ Кравчукъ и смотритъ на капитана.

Капитанъ отворачивается отъ меня и вздыхаетъ.

— Ты таки свое, Кравчукъ, Говорю же тебѣ, какъ честный человѣкъ, какъ отецъ родной, что боленъ ты. Ты, вѣдь, даже говорить не умѣешь съ начальствомъ. Твоя больная голова не можетъ того понять, что службу исполнять нужно, какъ Богу молитву. Ну, предположимъ, я пошлю тебя въ караулъ... Ночь, скажемъ. Ты стоишь гдѣ нибудь у порохового магазина. По правиламъ, часовой не долженъ подпускать никого къ магазину за пятьдесятъ шаговъ. Идетъ, скажемъ, человѣкъ. Ты кричишь, чтобъ онъ не подходилъ, а онъ все-таки идетъ. Допустимъ, что онъ глухой или притворяется

глухимъ. Ну, что ты долженъ дѣлать? Стрѣлять, правда? Служба велитъ стрѣлять, а твоя болѣзнь говоритъ, что нельзя стрѣлять. Ну, и что же можетъ изъ того выйти?

— Такъ я же здоровъ! — нетерпѣливо гудитъ Кравчукъ.

— Ты такъ думаешь? Ты увѣренъ въ этомъ?

— Ей Богу!

— Ну, хорошо! Увидимъ... — вдругъ неожиданно соглашается капитанъ. — Увидимъ... Не хочу брать грѣха на душу. Пусть! Я тебя до присяги допущу, не отправлю въ больницу. Сдѣлаю тебѣ еще и эту уступку... Можетъ быть, ты еще и въ казармѣ выздоровѣешь... Но только смотри: присягу принимать, какъ слѣдуетъ — и креститься, и евангеліе цѣловать... Словомъ, все, какъ здоровый, настоящій солдатъ. Слышишь?

— Слышу.

— О! А „ваше высокоблагородіе“ опять нѣтъ?

— Ваше высокоблагородіе.

— Охъ, Кравчукъ! Смотри, я съ своей стороны дѣлаю все, что могу... Но ежели ты мнѣ на присягѣ подложишь свинью, скверно тебѣ будетъ. Подумай лучше. Лучше сейчасъ иди въ больницу.

— Я — здоровый!

— Ну, ладно. Увидимъ.

Завтра день присяги. Разсказываетъ мой часовой, что Кравчукъ ходитъ, сильно задумчивый, и все свободное время читаетъ евангеліе. Капитанъ съ нимъ мягокъ, уступчивъ и остороженъ. Вся рота къ болѣзни Кравчука отнеслась недовѣрчиво. Самъ же онъ, если не убьетъ когда нибудь чортову Статую, то это будетъ только по винѣ особеннаго счастья этого „идола“.

Ну, будетъ. Хочу уснуть, завтра вѣдь тяжелый день.

* * *

Еще не было пяти часовъ, какъ барабанъ уже поднялъ насъ на ноги. Такъ же, какъ и передъ смотромъ, капитанъ въ шесть часовъ уже былъ въ казармѣ и учинялъ репетицію.

Всѣ были угрюмы и сосредоточенны. Какой то страхъ виднѣлся на лицахъ, но радости я ни у кого не видѣлъ. Ни смѣху, ни шутокъ, даже Дудка, (который уже „старый“),

ходилъ сумрачный и задумчивый.

— Совсѣмъ, братъ, солдатами будемъ! — тихо шептались молодые.

— Да, теперь ужъ шабашъ!..

И съ грустнымъ участіемъ глядѣли другъ на друга.

Съ восьми часовъ мы уже стояли длинной, правильной дугой посреди казармы, раздѣлившись на старыхъ и молодыхъ. Въ центрѣ дуги стоялъ столъ, покрытый скатертью, на немъ лежало ротное евангеліе, желто-бѣлый истертый крестъ и такая же чаша съ кропиломъ. Надъ столомъ на стѣнѣ, рядомъ съ „солдатской памяткой“ и рисункомъ, изображающимъ, какъ часовой пронизываетъ какого то „вольнаго“ штыкомъ, повѣсили Николу Угодника и какую то новую икону.

Молебенъ долженъ былъ начаться въ девять часовъ, но насъ держали все время въ строю и позволяли только „вольно оправиться“. Неожиданно и неизвѣстно для чего намъ вдругъ кричали „смирно“ и сейчасъ же „вольно“. Унтера ни съ того, ни съ сего подскакивали и, дыша въ лицо запахомъ лука и водки, подтягивали пояса, хотя подтягивать ихъ можно было только развѣ для того, чтобы прекратить дыханіе.

До девяти мы были страшно измучены. Могу съ увѣренностью, во всякомъ случаѣ, сказать, что кромѣ злобы и усталости, ничего уже человѣческаго не было въ насъ. Если у кого и было какое сомнѣніе относительно предстоящаго, то оно покрылось такой пылью усталости, что и слѣдовъ его не было.

Но капитану, очевидно, только этого и нужно было, ибо онъ съ удовольствіемъ поглядывалъ на насъ. Только Кравчука онъ какъ то обходилъ, не дѣлалъ ему замѣчаній, не экзаменовалъ, даже не глядѣлъ на него. Лишь одинъ разъ всего, проходя мимо, онъ внимательно посмотрѣлъ ему въ лицо и сказалъ:

— Ну? Надумался?

Кравчукъ, все утро необыкновенно спокойный, но съ желтымъ лицомъ и громадными темными кругами подъ глазами, твердо-спокойно встрѣтилъ его взглядъ и густо отвѣтилъ:

— Надумался.

Капитанъ испытующе посмотрѣлъ на него, но ничего не сказалъ и задумчиво отошелъ. А Кравчукъ переступилъ съ ноги на ногу и тяжело, какъ волъ, вздохнулъ.

Наконецъ появился попъ съ дьячкомъ, а съ ними полковой командиръ. Попъ и полковой командиръ были до странности похожи другъ на друга: оба сѣденькіе, съ желчными лицами, козлиными бородками и вялыми глазами. (Какъ потомъ я узналъ, они родные братья, только одинъ служитъ небесному царю, а другой земному, при случаѣ же помогаютъ другъ другу).

Поздоровавшись съ солдатами, они по очереди стали трясти руки офицерамъ, которые посходились со всѣхъ сторонъ и стояли противъ насъ болѣе-менѣе правильной группой.

Дьячку руки не подавали, но онъ всѣмъ очень низко кланялся, заискивающе улыбаясь и вынимая изъ узелка ризы.

Поговоривъ и посмѣявшись чему то съ своимъ братомъ и ротнымъ, попъ вдругъ обернулся къ дьячку, взялъ ризу и сталъ облачаться. Полковникъ и капитанъ почтительно отошли въ сторону и стали у стѣны съ торжественнымъ и строгимъ видомъ

Началось. Но прежде, чѣмъ „вознести хвалу всемогущему Господу за сей торжественный радостный для всѣхъ день“, священникъ пожелалъ сказать маленькую рѣчь.

Онъ поднялъ какъ то вверхъ голову, склонивъ ее слегка къ правому плечу и гнусавымъ богослужебнымъ голосомъ сталъ разсказывать о пророкѣ Давидѣ, потомъ почему то перешелъ на студентовъ, долго остановился на карѣ небесной и земной за нарушеніе присяги и въ концѣ концовъ пригласилъ всѣхъ безъ разсужденій и грѣховнаго мудрствованія повиноваться начальству, которое поставлено отъ Бога, а потому очень хорошо знаетъ, что оно дѣлаетъ.

Я только разъ успѣлъ взглянуть на Кравчука. Лицо его было желто и сурово смотрѣло на попа.

Послѣ рѣчи попъ взялъ тономъ выше и еще больше гнусавымъ голосомъ затянулъ какую то молитву. Дьячокъ жиденькимъ баскомъ, раздувая уголь въ кадилѣ, подтягивалъ и жестоко, но увѣренно фальшивилъ.

Всѣ усиленно закрестились.

Тянулось это довольно долго. Попъ одной рукой махалъ кадиломъ, другой рукой показывалъ что-то дьячку въ книгѣ, а самъ что то пѣлъ. Ему, наклонясь съ озабоченнымъ лицомъ надъ книгой, дьячокъ что то отвѣчалъ, а солдаты шептали молитвы и съ удовольствіемъ крестились, разминая спину.

Наконецъ, пропѣли „многая лѣта“, замолчали, раскланялись на всѣ стороны и стали укладывать свои вещи. Мнѣ вспомнились, глядя на нихъ, перехожіе фокусники, которые тоже, окончивъ представленіе, кланяются на всѣ стороны публикѣ и, сложивъ свои чаши, магическія палочки, волшебныя шапки и т. п., взваливаютъ на плечи узелки и идутъ дальше увеселять или дурить простодушныя головы.

„Оправившись“, полковникъ скомандовалъ „смирно“ и въ казармѣ стало тихо.

Попъ снова выступилъ впередъ съ какой то книжечкой въ рукѣ и предупредилъ насъ, чтобы мы повторяли за нимъ слова присяги, которую онъ будетъ читать.

— Руки вверхъ! Вотъ такъ! — скомандовалъ полковникъ и показалъ поднятую руку съ двумя сложенными будто для креста пальцами.

Я поднялъ вверхъ два пальца и взглянулъ на Кравчука. Возлѣ него уже стоялъ капитанъ и на собственныхъ пальцахъ показывалъ, какъ это нужно дѣлать. Кравчукъ подозрительно слушалъ, но, убѣдившись, очевидно, что это еще не крестъ, неувѣренно поднялъ два пальца и замеръ.

Снова загнусавилъ „богослужебный“ голосъ попа, а за нимъ нѣсколько десятковъ солдатскихъ, „молодыхъ“, старательно и громко выкрикивавшихъ каждое слово.

И это было дѣйствительно какое то волшебное заклинаніе. Тамъ были и муки ада, и отреченіе отъ отца и матери, и обѣщаніе бить, колоть, стрѣлять,— чего только тамъ не было!

Я глянулъ на Кравчука. Онъ стоялъ, поднявъ два пальца, и даже губами не шевелилъ, напротивъ, плотно ихъ сжалъ, точно не довѣрялъ имъ. Сейчасъ же я перевелъ глаза на капитана. Онъ, блѣдный, полными ненависти глазами смотрѣлъ на Кравчука и нервно пощипывалъ бородку.

И вдругъ стало тихо. Попъ закрылъ книжечку, передалъ ее адъютанту, у котораго въ рукахъ былъ уже списокъ „молодыхъ“ и взялъ у дьячка приготовленные крестъ и евангеліе.

— Арканов Николай! — выкрикнулъ адъютантъ. Возлѣ Арканова, маленькаго, желтенькаго солдатика, стоялъ уже фельдфебель, который въ тотъ же мигъ дернулъ и толкнулъ его впередъ. Арканов, съ натискомъ стуча каблуками, молодцевато-смѣшно подошелъ къ попу и прикипѣлъ.

— Присягаешь, сынъ мой?—буркнулъ подъ носъ батюшка

и, ожидая отвѣта, поднесъ для поцѣлуя крестъ.

— Такъ точно, присягаю!—закричалъ Аркановъ и широко перекрестившись, громко чмокнулъ два раза крестъ, а затѣмъ евангеліе.

— Бовдуръ Гавріилъ! выкрикнулъ снова адъютантъ.

Аркановъ повернулся „налѣво кругомъ“ и такъ же молодцевато отправился на мѣсто. На его мѣсто къ евангелію шелъ Бовдуръ. И такимъ образомъ, подходя и отходя, прошло уже десятка полтора „молодыхъ“, сразу постарѣвшихъ.

Наконецъ послышалось:

— Кравчукъ Никита!

У меня замерло сердце, а нѣкоторые изъ солдатъ даже тихонько перекрестились.

Капитанъ же давно уже стоялъ съ полковникомъ и горячо что то говорилъ ему, показывая на Кравчука и безсильно разводя руками. Полковникъ молча, не выказывая ни удивленія, ни гнѣва, сумрачно кивалъ своей козлиной бородкой и тоже посматривалъ на Кравчука. Потомъ вдругъ что то отрывисто сказалъ капитану и, подойдя къ попу, сталъ о чемъ то съ нимъ говорить. Когда адъютантъ выкрикнулъ имя Кравчука, онъ какъ разъ отходилъ уже отъ попа.

Кравчукъ, могуче качаясь, подошелъ и остановился предъ столомъ. Попъ любопытно и внимательно глядѣлъ на него.

— Ты слышалъ, сынъ мой, что читалось здѣсь? неожиданно обратился онъ къ Кравчуку.

Тотъ твердо взглянулъ на него и отвѣтилъ:

— Слышалъ.

— Присягаешь предъ крестомъ и евангеліемъ исполнять все, что ты слышалъ?

— Нѣтъ!

Дьячекъ выпустилъ изъ рукъ узелокъ и изумленно глядѣлъ вокругъ. Офицеры прекратили сразу шепотъ и, вытягивая лица впередъ, старались разсмотрѣть Кравчука. Солдаты, не шевелясь, стояли ни живы, ни мертвы, точно это они произнесли это слово. Капитанъ кусалъ губы. Полковникъ усиленно сопѣлъ и посматривалъ на попа.

Кравчукъ былъ мертвенно-желтъ и, видимо, волновался.

—Ты не хочешь принимать присяги?—мягко и словно удивляясь проговорилъ попъ.—Развѣ ты не знаешь, какой ты грѣхъ берешь на свою душу?

— Я... я не могу... присягать...

— Молчать!! — вдругъ бѣшено сорвался съ мѣста полковникъ и быстро подошелъ къ нимъ.

— Присягай!!

— Я не могу присягать убивать людей. „Кровь брата вопіетъ ко Мнѣ". „Не убій!" — твердо, ровно и, какъ сразу слышно было, заранѣе приготовлено, громко проговорилъ Кравчукъ, поднявъ голову со вспыхнувшими вдохновенными глазами.

Полковникъ вдругъ повернулся къ попу и, видимо сдерживая себя, заговорилъ:

— Батюшка! Этотъ солдатъ давно уже боленъ душевно. Благословите его святымъ крестомъ... Можетъ, ему поможетъ молитва ваша... А ты крестись, цѣлуй крестъ и на мѣсто! —весь блѣдный повернулся онъ къ Кравчуку.

— Я креститься не могу, бо моя вѣра не позволяетъ этого. „Настанетъ день, когда будутъ поклоняться"...

— Крестись, мерзавецъ!!—заревѣлъ полковникъ. ....

— „Когда будутъ покланяться Богу не въ храмахъ, а въ духѣ и истинѣ". На смерть пойду, а не прійму присяги! — окончилъ Кравчукъ и съ такимъ воодушевленіемъ выкрикнулъ „на смерть", что даже полковникъ съ какимъ то боязливымъ изумленіемъ посмотрѣлъ на него и оглянулся.

— Сынъ мой, самъ Христосъ сказалъ...

— Я на смерть иду!

Попъ безпомощно посмотрѣлъ на офицеровъ. Въ это время къ полковнику быстро подошелъ капитанъ и торопливо зашепталъ ему что-то. Полковникъ кивнулъ головой и повернулся ко всѣмъ.

— Господа!—обращаясь больше къ офицерамъ, чѣмъ къ намъ, громко заговорилъ онъ.—Вы видите, что этотъ солдатъ боленъ. Это видно. Я думаю, что эта болѣзнь у него скоро пройдетъ, теперь же мы должны, не обращая вниманія на его заявленія, помочь ему принять присягу... Необходимо!.. Оставлять его безъ... э... э... безъ божьяго благословенія мы не имѣемъ права. Трое стариковъ! Сюда!

Среди стариковъ прошелъ шепотъ и всѣ нерѣшительно, не зная, кому идти, испуганно переглядывались. Но на помощь подоспѣлъ фельдфебель и выдернулъ изъ строя трехъ первыхъ попавшихся.

Помню, когда я смотрѣлъ въ сторону стариковъ, у меня

промелькнуло въ глазахъ чье то блѣдное, страшное лицо съ горѣвшими ненавистью глазами. Какъ вспомнилъ я послѣ, это было лицо Дудки.

Трое стариковъ быстро подошли и напряженно испуганно остановились предъ полковникомъ.

— Взять его руку—кивнулъ послѣдній на Кравчука — и перекрестить его ею. И дать поцѣловать крестъ!

„Трое“ машинально сдѣлали поворотъ, деревянно подошли къ Кравчуку и, неловко беря его за руку, мѣшая другъ другу, хотѣли поднести ее ко лбу. Но Кравчукъ молча, сильно дернулъ и вырвалъ ее. Тогда „трое“ уже энергичнѣе взялись и даже что то шептали другъ другу, совѣщаясь. Но Кравчукъ опять, молча, тяжело сопя, встряхнулся, дернулъ вправо, влѣво и вырвался.

Всѣ жадно слѣдили за ихъ борьбой.

— Еще двое! — хрипло крикнулъ полковникъ.

Фельдфебель снова выдернулъ двухъ и толкнулъ впередъ.

Что то нелѣпо-дикое, смѣшное и возмутительное до гнетущей тяжести въ груди произошло тогда. Какая то молчаливо-сопящая куча красныхъ, неуклюжихъ людей тяжело ворочалась возлѣ стола, топали и путались ноги, поднималась иногда рука, но сейчасъ же выдергивалась, злобой и раздраженіемъ загорались глаза. А возлѣ, держа наготовѣ крестъ, стоялъ священникъ.

Полковникъ же, едва сдерживая себя, нетерпѣливо злобно топтался на мѣстѣ и что то кричалъ имъ. Наконецъ, кое какъ удалось приспособиться и скрутить гиганта. Массой рукъ помахали возлѣ Кравчукова лба и груди, попъ ткнулъ ему въ носъ крестъ и его освободили. Присяга принята.

Потные, красные, задыхавшіеся „старые“ по командѣ полковника быстро разошлись по своимъ мѣстамъ и, избѣгая смотрѣть въ глаза товарищамъ, стали оправляться.

— А ты тоже на мѣсто! — обратился полковникъ къ Кравчуку, который какъ то странно, дико водилъ вокругъ себя возбужденными глазами. — Слышишь?.. Подожди! Теперь присягу ты принялъ,—не будешь исполнять службы, пойдешь въ дисциплинарный баталіонъ или подъ разстрѣлъ. Тамъ уже самъ за себя отвѣчаешь. А зато, что ты не исполнилъ приказанія начальства и не хотѣлъ принять присяги, я, какъ

штрафованнаго, приговариваю тебя къ пяти ударамъ розгами. Марршъ!

Кравчукъ, видно, хорошо всего не понялъ, но машинально повернулся и пошелъ на мѣсто. Лицо его по прежнему было странное, угнетенно-недоумѣвающее, безумное.

Послѣ присяги его тотчасъ же куда то увели. Когда его брали, онъ спросилъ:

— Куда еще?

— Розги получать! — грубо крикнулъ фельдфебель.

Кравчукъ на минуту остановился, ноздри его вдругъ раздулись, глаза стали остры, какъ кончики блестящихъ, металлическихъ пуль, но... въ тотъ же мигъ рѣшительно рванулся и твердо-глухо сказалъ:

— Идемъ!

Черезъ полчаса его привели опять во взводъ, гдѣ унтера раздавали „чарки водки“ и какіе то пирожки на закуску. Но, кромѣ Мазурина и еще нѣкоторыхъ любителей поѣсть, солдаты безъ особеннаго увлеченія брали подношеніе начальства. Видъ у всѣхъ было виновато-сумрачный, пугливый или же неестественно-развязный и безшабашный. О Кравчукѣ избѣгали говорить. Лишь тогда, когда его привели съ „секуціи“ и онъ сейчасъ же легъ на койку лицомъ внизъ и замеръ, разговоры, точно сдержанная вода, разлились по всѣмъ угламъ.

Одинъ изъ тѣхъ, что держали Кравчука во время наказанія, разсказывалъ, сурово глядя куда то подъ койки, что держать не было никакой надобности, такъ какъ Кравчукъ не только не вырывался, но даже ни разу не застоналъ, „только легонько подскакивалъ за каждымъ разомъ“.

Возлѣ Кравчука вдругъ откуда то появился Дудка съ красно-синими пятнами на рябоватыхъ щекахъ и необыкновенно блестящими глазами. Тутъ же разговаривали неподалеку Макуха, Рлапорлтъ, Шабатуровъ и еще нѣсколько ихъ близкихъ товарищей.

Постоявъ минуту молча надъ Кравчукомъ, Дудка вмигъ нагнулся и сталъ дергать его за ногу, приговаривая:

— Никита! Перекрещенный!.. Никита! Перекрещенный!

Я думалъ, Кравчукъ такъ же зареветъ на него, какъ на унтера, предложившаго „чарку“ и пирожокъ, но Кравчукъ лежалъ неподвижно, словно не слыша ничего.

А Дудка не отставалъ:

— Эй, Никита, рыло неумыто! Вставай!.. Слышь? „Встань, проснись, подымись, на себя погляди“. Да заней, пирожкомъ заѣшь и Богу помолись... Ха-ха-ха! — захохоталъ онъ вдругъ. — Слышь, Никита, рыло неумыто!.. Встань, начальству ручку поцѣлуй!..

— И чего бъ я цѣплялся къ человѣку... — сдержанно, но громко проговорилъ Шабатуровъ — Надо жъ и понятіе имѣть, когда шутки шутить... Совѣсти нѣтъ!

— Пущай порцію свою возьметъ... Одну взялъ, пущай другую беретъ! — со страннымъ, жуткимъ хохотомъ повернулся къ нему Дудка.

— Ты, кажись, брлатъ, и за него уже взялъ порлцію — враждебно ухмыльнулся Рлапорлтъ.

— А взялъ! — крикнулъ Дудка. — Начальство даетъ, надо брать... Смирно, Микита! — вдругъ снова повернулся онъ къ тому и дернулъ за ногу.

— Да будетъ, Дудка! — вскрикнулъ Шабатуровъ. — Что у тебя сердца нѣтъ, что-ли?!

— А тебѣ какое дѣло?! — вдругъ обернулся къ нему Дудка. На лицѣ его уже не было смѣха, острое, въ странныхъ, лихорадочныхъ пятнахъ, оно глядѣло съ какой то злой мукой и болью. — Тебѣ жаль его? Жаль?

— А жаль!

— А чего жъ ты не жалѣлъ его тогда, когда его мучили? А? Эхъ, вы, жалостливые, сукины дѣти! Жаль? Сволочь . паршивая вы!

Онъ плюнулъ и быстро пошелъ изъ взвода.

Я, словно въ тяжеломъ чаду, машинально одѣлся и безъ всякаго разрѣшенія пошелъ въ городъ. Гдѣ я былъ и что дѣлалъ, почти ничего не помню. Кажется, сидѣлъ гдѣ то у рва и, глядя на грязный снѣгъ на днѣ его, составлялъ прокламацію къ ротѣ; кажется, шлялся по базару и безсмысленно разсматривалъ товары. И говорилъ, кажется, съ кѣмъ то.

Въ роту пришелъ я ночью, часовъ въ двѣнадцать. Всѣ уже спали. Я, не раздѣваясь, легъ на свою койку. Кравчукъ, какъ я замѣтилъ, лежалъ все въ той же позѣ лицомъ внизъ.

Долго я лежалъ тяжелый, усталый и тупой. Вдругъ послышался шорохъ возлѣ Кравчука. Кто то осторожно приподнимался на койкѣ. Я вяло повернулъ туда голову. Это былъ Дудка. Онъ для чего-то нагнулся подъ койку, неосторожно

хлопнулъ крышкой сундучка и, очевидно, что то вынулъ изъ него. Потомъ чутко прислушался вокругъ и наклонился надъ Кравчукомъ.

— Никита!.. Слышь? Никита! — тихо позвалъ онъ.

Кравчукъ лежалъ неподвижно.

— Ну, довольно... Будетъ... Слышь?.. Встань... Никита! Эхъ!..

Никита не шевелился. Дудка еще разъ оглянулся и сѣлъ около Кравчука, склонившись къ его головѣ.

— Никита!.. Слышь?.. Не глупи... Встань, поѣшь...

— Не хочу... — прошепталъ Кравчукъ.

— Ну, чего тамъ!.. Ври... На.. Голодный вѣдь... Порцыя... Пирожки хорошіе, бери... Ну? Чортъ!.. Хочешь, чтобъ выругалъ? На!

Кравчукъ подвялъ голову, задвигался и, мнѣ показалось, взялъ что то отъ него.

— Да ѣшь, чего тамъ! — буркнулъ, немного помолчавъ, Дудка и пересѣлъ къ себѣ. — Да сядь, а то еще подавишься, лежа-то...

Кравчукъ медленно приподнялся и сѣлъ. Послышалось чавканье, перемѣшанное съ сопѣньемъ.

— Спина очень болитъ? — немного спустя послышалось отъ Дудки.

— Душа болитъ! — тихо и глубоко отвѣтилъ Кравчукъ и пересталъ ѣсть.

— Ѣшь... Ѣшь... Потомъ будешь говорить...

— Не хочется, Дудка, ей Богу! — словно извиняясь промолвилъ Кравчукъ. — Наѣлся...

— Ну, то дай сюда! — разсердился Дудка.

— Ну, я съѣмъ... — покорно прошепталъ Кравчукъ и снова зачавкалъ.

Дудка молчалъ.

— Воды-бъ — наконецъ сказалъ Кравчукъ, повидимому, окончивъ ѣсть.

— Сиди, я принесу.

И тихо ступая по полу, Дудка осторожно пробрался межъ койками и сейчасъ же возвратился съ ротной кружкой въ рукѣ. Напоивъ Кравчука, онъ такимъ же образомъ отнесъ кружку и снова вернулся.

— Ну, что? — усѣвшись и помолчавъ немного, началъ

онъ тихо. — Я не говорилъ тебѣ? Не по моему вышло? Можетъ, еще хочешь, чтобъ покрестили?

— Погубятъ они и тебя и меня... — глухо отвѣтилъ Кравчукъ.

— Ну, это, братъ, чорта съ два!—вскипѣлъ Дудка.—Я не для того въ вашу вѣру перешелъ, чтобъ меня снова назадъ розгами перекрещивали! Вотъ, какъ предъ Богомъ, говорю тебѣ, что подожду еще немного и, чортъ съ тобой, тикаю самъ! Увидишь!

— И я тикаю — медленно и задумчиво заговорилъ Кравчукъ. — Не выдержу... Болитъ душа моя, крови хочетъ... Бить ихъ нужно... Нельзя молчать, Дудка, нельзя! Нѣтъ силъ... На проповѣдь надо идти... Проповѣдывать... Всему міру нужно показать ихъ...

— Вотъ только гдѣ мы одежу возьмемъ, переодѣться-то? — озабоченно прошепталъ Дудка.

Кравчукъ умолкъ.

— Знаешь что? — придумалъ Дудка. — Пущай намъ студентъ дастъ,—у него есть знакомые въ городѣ...

Кравчукъ молчалъ.

— Правда?.. Никита!

— А мужики темные, слѣпые... — тихо опять началъ Кравчукъ. — Во тьмѣ, какъ черви ползаютъ, а ихъ давятъ ногами... Ни за что...

— Деньжонокъ бы немножко... Безъ денегъ трудно... Слышь, Никита, ежели бы хоть малость денегъ добыть... А?

— Денегъ? — точно проснувшись, спросилъ Никита. — Нѣту денегъ...

— Чорртъ! — разсердился Дудка. — Безъ тебя знаю, что нѣтъ... Ничего! Достану! — вдругъ придумалъ онъ что-то. — А ежели...

И не докончилъ. Въ казармѣ затопали чьи то ноги и разговаривавшіе быстро улеглись на койкахъ. Ходилъ дежурный унтеръ, нелюбимый всей ротой за подлизываніе къ ротному. Какъ на зло, поставилъ лампочку на столъ и самъ усѣлся на него, повидимому, не собираясь скоро уходить. Незамѣтно я уснулъ подъ равномѣрный скрипъ стола, на которомъ, задумчиво сидя, качалъ ногами унтеръ.

Утромъ, умываясь, я услышалъ возлѣ себя:

— Господинъ студентъ!

Я быстро оглянулся. Стоялъ Дудка и глядѣлъ на меня холоднымъ и смѣлымъ взглядомъ.

— Я хочу васъ кой о чемъ попросить.

Я сразу догадался, о чемъ будетъ просьба, но не показалъ виду и отошелъ съ нимъ въ уголъ,

— Дѣло вотъ въ чемъ... — началъ онъ съ такимъ видомъ, который ясно говорилъ, что при первомъ же знакѣ несогласія съ моей стороны, онъ тотчасъ же броситъ разговоръ и до глубины души возненавидитъ меня. — Я и Кравчукъ желаемъ (онъ такъ и сказалъ „желаемъ“) тикать съ военной службы... Вотъ... Дезентирами, стало быть... Только насчетъ одежи и денегъ у насъ того... почти что ничего... Ежели бы вы намъ достали, мы бы, значитъ, въ скорости...

— Когда и куда же вы хотите бѣжать? — сдерживая свою радость, въ тонъ ему холодно спросилъ я.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... А куда, не знаемъ еще.

— Такъ. Но васъ могутъ поймать. Есть у васъ паспорта?

— Паспорта? — испуганно взглянулъ онъ на меня и сейчасъ же грустно прибавилъ:

— Паспортовъ нѣтъ... Поймаютъ... Это вѣрно... Не подумали.

— А Кравчука легко узнать... — добавилъ я, наблюдая за нимъ.

— Высокій чортъ! — вздохнулъ онъ.

— Да и не свои нужно имѣть, а чужіе, фальшивые...

— Понятно...—невнимательно и безразлично согласился онъ.

Я слегка хлопнулъ его по плечу.

— Ну, такъ я вамъ все это достану!

— Вѣрно? — радостно быстро взглянулъ онъ на меня.

— Сейчасъ въ городъ пойду.

— Вотъ спасибо, ей Богу!..

Онъ конфузливо и неловко схватилъ мою руку и потрясъ ее. И оба мы чему то хорошо и легко засмѣялись.

Чрезъ пять минуту я заявилъ фельдфебелю, что хочу пойти въ городъ.

— А въ караулъ?—удивленно хрипнулъ онъ мнѣ въ отвѣтъ.

— Какой караулъ?

— Весь вашъ взводъ назначенъ сегодня въ Ворожбитовъ Яръ въ главный караулъ. Всѣ молодые пойдутъ.

Меня злоба взяла.

— Ну, какъ знаете, а мнѣ нужно въ городъ... Плевать я хотѣлъ на караулъ...Что это, въ самомъ дѣлѣ..

— Да подождите... вамъ надолго?

— Часа на два, на три...

— Ну, такъ вы жъ успѣете... Вотъ, кстати, мнѣ тоже табачку бы... Бѣда только, денегъ сейчасъ при себѣ нѣтъ... Вмѣстѣ бы...

— А вамъ сколько табаку? — обрадовался я, видя, куда дѣло клонится.

— Да такъ, полфунтика хотѣлось бы, чтобъ не...

— Ладно. Я „займу“ вамъ!.. Такъ, значитъ, можно?

— Можно, можно! Только, чтобъ ротный не запримѣтилъ... Выше-средняго, пожалуйста... И того... часамъ къ пяти возвращайтесь.

— Ладно!

Черезъ полчаса я уже толковалъ съ тѣмъ товарищемъ, который могъ устроить дѣло. Изложивъ всю исторію, я потребовалъ всего, что нужно. Онъ пообѣщалъ. Мы условились, что черезъ три дня у него все будетъ приготовлено и я могу ихъ направить прямо къ нему, разсказавъ подробно и точно адресъ.

Дудка отъ результатовъ моихъ переговоровъ пришелъ въ восторгъ и тотчасъ не утерпѣлъ, чтобы не изобразить капитана, которому докладываютъ объ ихъ побѣгѣ.

— Съ военной службы? Послѣ присяги?

И такъ удачно поднялъ брови и сдѣлалъ взбѣшенное лицо Статуи, что я неудержимо расхохотался.

Кравчукъ тоже посвѣтлѣлъ и даже улыбнулся, когда Дудка „валялъ дурака“ передъ всѣмъ взводомъ, заставляя всѣхъ падать на койки отъ хохота.

Въ этомъ же настроеніи мы и въ караулъ выступили, и въ Ворожбитовъ Яръ пришли.

Но здѣсь настроеніе наше постепенно перемѣнилось. Вышли мы изъ казармы часовъ въ пять. На дворѣ было уже темно. Изъ нависшихъ темныхъ тучъ рѣдкими каплями падалъ дождь, словно просачиваясь сквозь рѣдкое рядно, и дулъ холодный, пронзительный вѣтеръ. Когда мы подошли къ Ворожбитову Яру, была уже ночь и дождь лилъ во всю, точно рядно не выдержало тяжести и сразу прорвалось.

Наши шинели стали до того тяжелы, словно мы повѣсили на себя мѣшки съ пескомъ. Всѣ злились и сердито ругались.

Но вотъ и Ворожбитовъ Яръ. Мрачнымъ, угрюмымъ повѣяло отъ него. Представьте себѣ глубокую долину заросшую вѣковыми, могучими дубами, таинственную и грозную. Невольно приходитъ на память, что тамъ внизу гдѣ то у пороховыхъ амбаровъ одинъ повѣсился, другой застрѣлился, третій былъ принесенъ на носилкахъ въ госпиталь съ прострѣленной грудью. Дубы предостерегающе покачиваютъ кудлатыми головами и вѣтеръ тоскливо-безнадежно воетъ въ вѣтвяхъ ихъ. Жутко!

И лишь теперь я понялъ, почему старые солдаты съ такимъ участливымъ любопытствомъ распрашивали, кто будетъ стоять на шестомъ посту, и почему такъ ободряюще похлопывали по спинѣ Кравчука, котораго ротный, повидимому, спеціально туда назначилъ. Сначала меня смѣшила моя обязанность подчаска, которая должна была состоять въ томъ, чтобы я ходилъ отъ одного часового къ другому и однимъ видомъ своимъ развлекалъ ихъ. Признаться, меня въ казармѣ даже удивляла такая чувствительная заботливость начальства, но теперь я вполнѣ оцѣнилъ необходимость ея.

Смѣнивъ и проводивъ старый караулъ, мы стали грѣться у маленькой печки въ громадной, грязной караулкѣ. Разговора никто не начиналъ, каждый думалъ что то про себя, поворачивая руки къ огню и задумчиво глядя на красные угли.

Уныла и мрачна была эта караулка, какъ разъ впору Яру. На голыхъ сѣрыхъ стѣнахъ, словно запекшіяся раны на ободранной кожѣ, чернѣла вездѣ облупившаяся штукатурка; длинныя нары съ разбросанной мокро-грязной соломой угрюмо прикрывали собой сырость; маленькая лампочка капризничала и вдругъ начинала ни съ того, ни съ сего быстро мигать и всхлипывать. Тогда всѣ съ бранью подымались и возились съ ней. Но она не обращала на насъ никакого вниманія, а когда хотѣла, тогда и переставала мигать. Это еще болѣе нагоняло тоску и уныніе. Вѣтеръ и дождь враждебно и зло наскакивали на окна и бились въ нихъ.

Настала и наша смѣна. Въ ней были: Кравчукъ, Дудка, одинъ „старикъ“, Макуха и я въ качествѣ подчаска. Развво-

дящій осмотрѣлъ наши винтовки, отстегнулъ подсумки и мы вышли за нимъ. Было уже часовъ одиннадцать. Дождь лилъ въ бокъ какими то порывистыми, густыми струями. Тьма была слѣпая.

Какой то мокрой, скользкой тропинкой разводящій повелъ насъ внизъ. Мы спотыкались, хватались руками за мокрыя деревья и, обнявъ ихъ, старались сохранить равновѣсіе. Здѣсь дождь падалъ прямо на голову и вѣтеръ злобно гудѣлъ вверху.

Смѣнили постъ номеръ пятый, третій, первый, поставили на восьмомъ Дудку и спустились къ шестому. Это былъ самый страшный постъ. Когда мы шли кучей и старые смѣнившіеся часовые весело гомонили, довольные своимъ освобожденіемъ, я только съ любопытствомъ осматривался вокругъ. Но когда разводящій, забравъ послѣдняго часового и подчаска, ушелъ, оставивъ меня и Кравчука однихъ возлѣ длинной, глухой стѣны амбара, мнѣ стало не по себѣ. Какой то жутью вѣяло отъ этой унылой, мрачной постройки внизу оврага. Полянка была небольшая, вся занятая нелѣпымъ казеннымъ амбаромъ, похожимъ на громадный гробъ. Чудилось, тамъ внутри ходятъ тоскующія тѣни повѣсившихся, застрѣлившихся. И высокіе своды нежилого зданія глухо отдаютъ ихъ стоны. Вверху было черно и, казалось, оттуда струилось на насъ чернило; вѣтеръ металъ, рвалъ и слышно было, какъ тяжело скрипѣли негибкія старыя вѣтви куллатыхъ дубовъ.

— Пріятный постъ!— сказалъ я больше для того, чтобъ услышать человѣческій голосъ.

Кравчукъ ничего не отвѣчалъ мнѣ. Молча поставивъ винтовку у будки, онъ сейчасъ же преспокойно залѣзъ въ нее и, повозившись, затихъ.

Я остался одинъ. Дождь лилъ. Постоявъ немного, я медленно побрелъ къ восьмому посту, къ Дудкѣ. Гдѣ я бродилъ, я и самъ не зналъ. Натыкался на деревья, проваливался въ какія то ямы, терялъ нѣсколько разъ винтовку и, въ концѣ концовъ, сбился совсѣмъ съ тропинки. Усѣвшись на какой то пень, я плюнулъ на все и рѣшилъ больше не заниматься безсмысленнымъ хожденіемъ по лѣсу, а ждать, пока не услышу гдѣ нибудь свистка часового. Вынувъ папироску, я зажегъ спичку подъ полой и закурилъ.

Вдругъ неожиданно совсѣмъ близко отъ меня послышалось:

— Кто идетъ?

— Я, я! —радостно вскочилъ я, узнавъ голосъ Дудки, и быстро пошелъ въ ту сторону.

— А я думалъ, нашъ ротный крадется — промолвилъ Дудка, когда я подошелъ совсѣмъ близко къ нему. Голосъ у него слегка дрожалъ. — Онъ любитель шпіонить... Вотъ и теперь прибѣжитъ... Увидите! Ну!—прибавилъ онъ съ ненавистью и поежился. — Пущай бережется!

Потомъ помолчалъ, сплюнулъ и сказалъ:

— А страшно тутъ, завались онъ совсѣмъ, этотъ Яръ... Просто могила... Мысли все скверныя лѣзутъ... А вы курите?.. Смотрите, влетитъ, ежели тутъ гдѣ нибудь Статуя подглядываетъ...

— Ничего... — сказалъ я.

— Да и разговаривать намъ не полагается... Мнѣ то наплевать, все равно черезъ нѣсколько дней...—(онъ оглянулся и не договорилъ)— А вы остаетесь... Отойдите лучше...

Я неохотно отошелъ. Не хотѣлось мнѣ опять спускаться въ холодную, черную яму. Тутъ было всетаки не такъ жутко, — и полянка шире, и не было амбара, лишь небольшой погребъ съ острой земляной крышей, похожій на курень.

Но стоять не хотѣлось и я снова вошелъ въ лѣсъ, стараясь не потерять тропинки. Почва на ней была тверже и вода на ровныхъ мѣстахъ стояла лужицами, такъ что нѣкоторое время я шелъ правильно. Но вскорѣ брелъ уже опять наугадъ, осторожно выставивъ предъ собой винтовку и ежеминутно натыкаясь на деревья. Вѣтеръ злился вверху, деревья скрипѣли и, казалось, какія то бѣлыя фигуры мелькаютъ то тутъ, то тамъ и стучатъ костями. По тѣлу проходили волны непріятнаго нервнаго озноба, было тоскливо, какое то гнетущее отчаяніе овладѣвало всѣмъ существомъ.

Вдругъ недалеко послышался какой то трескъ, непохожій на трескъ деревьевъ, чужой этому шуму.

— Кто идетъ? — съ облегченіемъ закричалъ я, радуясь присутствію живого существа.

„А вдругъ Статуя? — подумалось. И сейчасъ же послышался холодный, металлическій голосъ его:

— Командиръ третьей роты Суздальскаго полка. А ты кто? Подчасокъ?

— Да!

— „Такъ точно!“ нужно отвѣчать.

Я не могъ не разсмѣяться и, не видя его, закричалъ:

— Радъ стараться, ваше высокоблагородіе!

— Ступай сюда! — строго крикнулъ онъ откуда то.

Мнѣ было необыкновенно смѣшно почему то.

— Никакъ не вижу васъ, ваше высокоблагородіе! Идите *вы* сюда!

Онъ ничего не отвѣтилъ, но, дѣйствительно, направлялся, очевидно, ко мнѣ.

— Ты что жъ это себѣ думаешь? — грозно заговорилъ онъ шагахъ въ двухъ отъ меня, сѣрѣя въ темнотѣ своей свѣтлой шинелью. — Съ кѣмъ ты это шутить вздумалъ?!

Мнѣ всетаки хотѣлось смѣяться.

— Весело, капитанъ, оттого и шучу.

— Молчать!! — заревѣлъ онъ. — Ступай за мной!

Меня взяла лютая злоба.

— Слушайте, капитанъ — еле сдерживая себя, заговорилъ я.—Не забывайте, во-первыхъ, что мы не въ казармѣ, а въ лѣсу. А, во-вторыхъ, и у меня можетъ лопнуть терпѣніе. Отправляйтесь ловить Кравчука, что вы собрались, видно, дѣлать, и поменьше кричите. Я не люблю съ дикими людьми много разговаривать въ лѣсу... Слышите?!

Послѣднія слова я договаривалъ не совсѣмъ мирнымъ тономъ. Въ той обстановкѣ они должны были звучать серьезно. Капитанъ, повидимому, сразу оцѣнилъ моментъ, потому что вдругъ повернулся и отрывисто сказалъ:

— Прошу слѣдовать за мной.

Я пошелъ. Признаюсь, мнѣ таки пришлось очень серьезно обращаться къ своему разсудку, чтобы не пырнуть штыкомъ въ эту подлую спину негодяя. Онъ, очевидно, входилъ въ мое положеніе и не безъ интереса нѣсколько разъ вдругъ оглядывался на меня. Дорогу онъ, видно, зналъ хорошо, ибо скоро мы уже были у стѣны амбара.

— Прошу здѣсь постоять...—избѣгая мѣстоимѣнія, строго, но вѣжливо сказалъ онъ, вѣроятно боясь, какъ бы я не предупредилъ Кравчука. Но я сдѣлалъ видъ, что не слышалъ, и пошелъ за нимъ, громко сморкаясь, кашляя и стуча винтовкой объ землю. Нѣсколько разъ я даже нарочно громко крикнулъ: „ваше высокоблагородіе“, точно желая что то сказать

ему. Но капитанъ, должно быть, понималъ меня, потому что не оглядывался и быстро шелъ къ будкѣ.

Кравчука не было всетаки видно у стѣны. Вотъ и будка. Ротный осторожно подошелъ къ ней и заглянулъ. Потомъ вдругъ нагнулся и, словно взявъ что-то, повернулся ко мнѣ.

— Прошу взять! — протянулъ онъ какой-то длинный предметъ.

Я машинально подошелъ и взялъ. Это была Кравчукова винтовка.

Затѣмъ онъ повернулся снова къ будкѣ и наклонился къ ней.

— Кравчукъ!

Тихо. Вѣтеръ злобно взвылъ и пробѣжалъ дождемъ по желѣзной крышѣ амбара.

— Молится, мерзавецъ... — саркастически пробормоталъ капитанъ. — Ступай сюда!.. Кравчукъ!

Я подошелъ еще ближе, а капитанъ, опасливо оглянувшись на меня, вдругъ всунулся въ будку и сталъ тянуть оттуда Кравчука, съ усиліемъ выговаривая:

— Мер-за-вецъ... Такъ на ча-сахъ?.. На ча-сахъ?

Послышалось тяжелое сопѣніе, потомъ шепотъ какой то и, наконецъ, вслѣдъ за ротнымъ высунулась громадная фигура, предъ которой капитанъ казался здѣсь чуть не мальчикомъ. Кравчукъ выпрямился и стало отчетливо слышно его шепотъ:

— „Отъ лукаваго... отъ лукаваго... избави меня... Кротостью осѣни... душу мою...“

— Кравчукъ!! — взвизгнулъ капитанъ. — Смѣешься, подлецъ?! Винтовка гдѣ твоя?

— „И сохрани, помилуй и спаси... Яко благъ...“

— Меррзавецъ!! — захрипѣлъ ротный и я увидѣлъ, какъ засѣрѣла въ темнотѣ рука его и съ страннымъ звукомъ ударилась о щеку Кравчука.

Послѣ этого помню все довольно смутно; какой то бурей, дикимъ ураганомъ пронеслося все. Послышался бѣшеный ревъ, двѣ фигуры вдругъ слились, затѣмъ одна изъ нихъ, капитанова, странно поднялась сѣрой массой вверхъ, замотала ногами и, крикнувъ какъ-то „йях!!“, съ глухимъ трескомъ ударилась объ землю. Затѣмъ гигантская фигура наклонилась и снова капитанъ взвился вверхъ и грохнулся объ землю; потомъ послышалось какое-то рычаніе, топотъ ногъ по чему-то

мягкому, глухой стонъ, хрипъ, затѣмъ опять промелькнула въ темнотѣ сѣрая масса и шлепнулась о землю.

Я, пронизанный холоднымъ ужасомъ, стоялъ, не шевелясь. Вѣтеръ сильно дулъ мнѣ въ спину, словно подталкивая, дождь обсыпалъ съ сочнымъ шумомъ полянку, и тучи, чуть замѣтныя чернотой своей, угрюмо ползли вверху.

Помню, я безсознательно, глупо повторялъ одну фразу:

— Кравчукъ, что вы дѣлаете?! Кравчукъ, что вы дѣлаете?!

Но ни Кравчукъ, ни я не слышали и не понимали ея. Наконецъ, мнѣ пришла въ голову мысль, что нужно почему то бѣжать къ Дудкѣ.

Не помню, какъ я добрался до него. Какъ я не запутался въ лѣсу, не понимаю. Помню, я бѣжалъ, для чего то крѣпко держа обѣ винтовки въ рукахъ, и шепталъ что то неподходящее къ дѣлу и безсмысленное.

Не могу припомнить, какъ я передавалъ все Дудкѣ, но онъ, очевидно, понялъ меня, потому что сейчасъ же побѣжалъ туда, что то крича мнѣ. Я не слышалъ, что онъ говорилъ мнѣ, но понималъ, что это такъ и нужно, и тоже побѣжалъ за нимъ. Онъ нѣсколько разъ останавливался, о чемъ то торопливо распрашивалъ меня, я отвѣвѣчалъ и мы снова бѣжали. И почему то, я помню, мнѣ ярко представлялись тогда эти судорожно мотающіяся въ воздухѣ ноги и этотъ крикъ „йях!!" Впрочемъ, не буду утверждать ничего, такъ какъ вѣрнѣе всего будетъ, если скажу, что у меня былъ какой то бѣшеный хаосъ образовъ, мыслей, чувствъ, которые вертѣлись, исчезали, возникали въ невѣроятной быстротѣ и безсвязности.

Когда мы прибѣжали, помню, Кравчукъ стоялъ, тяжело дыша, надъ неподвижной сѣрой массой капитана.

Что то говорили и я, и Дудка.

Потомъ Дудка вдругъ схватилъ за ноги сѣрую неподвижную массу и сталъ тянуть ее въ сторону. Я почему то закричалъ:

— Что вы дѣлаете? Пусть лежитъ!

Дудка сейчасъ же остановился и равнодушно сказалъ:

— Да, пущай лежитъ.

— Пущай лежитъ... — помню, неожиданно, ровно и тупо прогудѣлъ и Кравчукъ.

Съ этого момента я словно сталъ лучше понимать все. Дудка говорилъ о чемъ то, но мнѣ казалось, что онъ говоритъ

очень гладко и слишкомъ спокойно. (Теперь я увѣренъ, что это только *казалось* такъ потому, что во мнѣ слишкомъ быстро пролетали мысли и чувства).

Дудка говорилъ о томъ, что имъ нельзя теперь возвращаться въ казарму. И, помню, я почему то былъ очень обрадованъ, что намъ это пришло въ голову, и сейчасъ же сталъ очень подробно торопливо разсказывать адресъ моего товарища. Дудка повторялъ нѣсколько разъ.

А Кравчукъ все время стоялъ неподвижно и порой трудно и глубоко вздыхалъ, при чемъ въ груди его что то хрипѣло.

Наконецъ, Дудка схватилъ его за рукавъ и потянулъ за собой. Кравчукъ покорно пошелъ. Сѣрая масса лежала неподвижно и слышно было, какъ дождь падалъ на нее съ глухимъ звукомъ.

Дудка вдругъ оглянулся ко мнѣ и почему то шепотомъ заговорилъ.

— Вы же въ караулку не идите... Погуляйте гдѣ нибудь въ лѣсу...

Потомъ, словно вспомнилъ что то, возвратился ко мнѣ и обнялъ, тыча холоднымъ, мокрымъ носомъ мнѣ въ лицо. А затѣмъ мы всѣ вмѣстѣ побѣжали: Дудка впереди, за нимъ Кравчукъ и я. Возлѣ восьмого поста я остановился, а они исчезли въ темнотѣ.

Не помню, гдѣ и сколько я бродилъ. Знаю, что все время я твердо помнилъ, что въ караулку идти нельзя, а нужно гулять „гдѣ нибудь въ лѣсу".

Потомъ уже разсказывали мнѣ солдаты, что я пришелъ, молча легъ на нары и сейчасъ же заснулъ. Въ это время уже было послано въ штабъ съ извѣстіемъ о происшедшемъ.

Изъ караулки меня, конечно, сейчасъ же отправили на гауптвахту. Цѣлый день ко мнѣ никого не подпускали. Приходилъ полковникъ, слѣдователь, врачъ, меня распрашивали, обвиняли, но я отвѣчалъ на все, что ничего не знаю, какъ все произошло, ибо засталъ уже на посту одинъ трупъ капитана. Хотѣлъ дать знать въ караулку, но въ волненіи сбился и долго бродилъ по лѣсу.

Съ недѣлю меня допытывали, водили по канцеляріямъ, слѣдователямъ, но, конечно, больше ничего отъ меня не узнали.

И лишь одного я боялся: *они* не запомнили адресъ, спутались, попробовали сами удрать и ихъ не сегодня-завтра приведутъ на эту же гауптвахту. Но время шло, а о нихъ никакихъ извѣстій не было.

Въ концѣ концовъ, меня должны были освободить и отпустить въ казарму.

Капитана уже давно похоронили. Солдаты разсказывали что-то ужасное:

— Одинъ глазъ какъ есть выскочилъ... Языкъ, какъ прикусилъ зубами, такъ ни за что нельзя было впихнуть назадъ. Синій... Изъ уха желтое что то текло...

Но въ глазахъ у разсказчиковъ свѣтилось вмѣстѣ съ ужасомъ удовлетвореніе. О Кравчукѣ же говорятъ съ необыкновеннымъ почтеніемъ и чуть не съ благоговѣніемъ.

В. Винниченко.